

18+

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

СЛОМАННАЯ ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Евсения Медведева

Сломанная любовь

Серия «Договор на нелюбовь», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68775447

SelfPub; 2023

Аннотация

Я влюбилась с первого взгляда... Папина гордость, мамина радость... Отличница и жуткая скромница запала на татуированного парня с синими, как васильковое поле, глазами, показавшего мне все звёзды ночного неба. Мы хотели любить друг другу всю жизнь, правда оказалось, что мы не имеем на это никакого права... "Это во благо", – как мантру повторяли наши семьи, ломая нежную любовь... Но кто знал, что нам придётся пройти семь кругов ада, встретиться через девять лет и понять, что до сих пор любим. Вот только простит ли он меня? Ведь у меня секрет, который я хранила все эти годы...

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	9
Глава 2.	14
Глава 3.	21
Глава 4.	30
Глава 5.	38
Глава 6.	54
Глава 7.	64
Глава 8.	73
Глава 9.	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Евсения Медведева

Сломанная любовь

Пролог

– Я дома, – радостно пропела, вбегая в темноту коридора. Прижимала к груди рюкзак с дневником, в котором бесстыже красовался ровный ряд пятерок за год. Улыбалась, зная, что мамочка будет довольна, а отец одобрительно кивнёт, разглядывая документ. От счастья хотелось кричать и смеяться. Много, до боли в скулах или жжения в легких. Прощай, школа!

Сняла джинсовую куртку и замерла... Дверь моей комнаты была приоткрыта, маня теплым свечением ночника в виде единорога, что игриво разбрасывал звездочки по розовым обоям. Сквозь глухое тревожное сердцебиение, что отдавалось в уши барабанной дробью, я услышала быстрые шаги и странный хруст рвущейся бумаги. По коже побежали мурашки, тело парализовал страх и гадкое предчувствие беды. Радостные, легкие мысли испарились, погружая меня в туман неизвестности, который можно было разрушить, лишь сделав шаг ближе к полоске света, что разрежала темноту коридора.

Бросила рюкзак на пол и зачем-то пошла навстречу стра-ху.

Но лучше мне было бы сбежать! Потому что, войдя в свою комнату, мной завладело желание взвыть от ужасающей картин-ки.

– Что ты делаешь?

Моя собственная мать металась по комнате загнанным зверем. Движения её были рваными, резкими, совершенно лишенными той интеллигентной утонченности, которой она была пропитана насквозь. Мама дикой кошкой носилась по разорванным тетрадям, учебникам и лохмотьям одежды, ко-торыми был усыпан дубовый паркет, в поисках того, что можно было ещё сломать, испортить, изуродовать. Сильно била ногой о перевернутый письменный стол, ящики кото-рого превратились в щепки.

Я схватила за горло, чтобы унять рвущийся крик, и по-шатнулась, прижавшись к двери. Зажмурилась в надежде, что это сон. Что все это мне привиделось, показалось. Но нет, распахнув взгляд напоролась на уродство, в которое пре-вратилась моя любимая уютная комната. Сетчатая тюль бол-талась на двух крючках, а в местах, где были прикреплены клипсы с маленькими фотографиями, сделанными в лаге-ре, образовались дыры. Желтые кашпо с цветущими фиал-ками валялись на полу, засыпав изрезанный розовый плед землей. Даже кровать распотрошила, а любимый плюшевый медведь, подаренный дедушкой, валялся на подоконнике,

зияя вспоротым брюхом.

Ничего не осталось... Все было стерто, словно мама намеренно следы моего существования уничтожала.

Вжалась в дверь, ощущая спасительную прохладу от стеклянных вставок, и молилась, лишь бы не рухнуть в обморок. Вновь и вновь обводила взглядом то, что дарило уют и спокойствие, которое теперь превратилось в руины.

Она, услышав мой плач, застыла лицом к окну, согнувшись так, будто груз на шее висел, оттягивающий хрупкие плечи к земле. Не двигалась, лишь тяжело дышала, заполняя комнату устрашающим хрипом.

– Мамочка... – произнесла, не понимая, что спусковой курок нажала.

– Дрянь!! Дрянь!! – заорала мать и, резко развернувшись, вцепилась одной рукой мне в волосы, а другой размахивала прямо перед лицом. Знакомая жёлтая обложка, зажатая меж скрюченных пальцев, заставила меня замереть.

Внезапно наступила тишина. Я перестала слышать её вой, а жгучая боль отступила. Лишь наблюдала за тем, как мама с остервенением сминает в кулаке мой дневник, что ещё утром был личным... Ещё утром я делилась с тетрадкой в желтой обложке с утятами, насколько была счастлива. Ещё утром моя жизнь была МОЕЙ. А теперь...

– Ты снюхалась с этим подонком! Отвечай, Оля!

Но я не могла произнести ни слова. Стояла парализованная, немая и растоптанная. Я даже не могла ощущать стыд,

потому что для этого чувства внутри должно хоть что-то трепетать, а там была пусто. Меня словно наизнанку вытряхнули, весь мусор высыпали и посторонним продемонстрировали.

– Дрянь! Ты – позор семьи! Что скажут папины друзья, коллеги? Ты о нем подумала? Неблагодарная!

Понимала смысл каждого слова. Впитывала их, но они пустым эхом опускались в самое сердце, не откладываясь обидой. Мне стало все равно. Ощущение ледяного безразличия окутывало сердце, не давая ему разлететься на сотни мелких осколков.

– Разве я тебя учила ноги раздвигать перед бандюгами? Разве я этому тебя учила? – читала по напряженным губам, боясь поднять взгляд. – Он же ублюдок! Слышишь? Ублюдок татуированный! Всё назло мне делаешь!

Сжала кулаки, словно это могло мне сейчас помочь, и подняла голову, чтобы встретиться взглядом с мамочкой, но лучше бы я этого не делала.

Все говорили, что у меня её глаза. Серые, как мокрый асфальт с темными прожилками. Вот так и встретились две пары одинаковых глаз, вот только в её взгляде я увидела ненависть... она была живая, осязаемая и такая сильная, что сердце закололо. Хотелось броситься маме в ноги, чтобы она перестала смотреть так. Ведь я её дочь! Я люблю тебя, мама... Любила... Разве можно любить ненависть в глазах? Разве можно любить презрение и желание сделать больно?

Разве можно разлюбить мать лишь от одного взгляда?

Оказалось, что можно. Я смогла. Моя душа, сердце и тело были в её власти. Поэтому покорно принимала всё унижение, что было приготовлено, но уже не чувствовала любви. Сломали её. Лишь страх и саднящее чувство боли от её скользящего, полного ненависти взгляда. Стояла, роняя слёзы, что отчаянно пытались залечить мою сломанную любовь.

– Ты – дешёвка! – она дождалась, чтобы выплюнуть последнее оскорбление в глаза, и звонко шлёпнула меня дневником по лицу с такой силой, что я рухнула на дверь.

Звук бьющегося стекла ещё долго стоял у меня в ушах. Даже когда меня переносили на холодные клеенчатые носилки – звенело, когда женщина с родными чертами лица, но со стеклянными от слепой ненависти глазами до боли сжимала мою руку в карете скорой помощи – звенело, когда катили под мигающим больничным потолком – звенело. И наступила тишина, лишь когда перед глазами вспыхнула огромная лампа...

Глава 1.

Весенний ветер нагло ворвался под тонкий плащик. Закрыла глаза, чтобы посмаковать запах прелого газона и сладость молодых листьев.

Внутри разлилось тепло, а голова закружилась от частоты жадных вдохов. Вытянула руку, схватилась за облупившуюся колонну, чтобы не рухнуть, и рассмеялась.

Глупенькая, чему же ты так радуешься?

Внутри ощущался странный, необъяснимый трепет, словно бабочек кто-то выпустил на волю, и они рассыпались по телу: щекотали ноги, кружили в груди и порхали где-то в горле, вызывая ком предвкушения. Чего только я ждала – сама не понимала. Как девчонка, ей Богу!

«Тельцам сегодня гороскоп приготовил подарок. Вы ждали его и уже готовы», – сухой голос диктора просочился сквозь монотонные голоса пассажиров автобуса, на котором я ехала на работу. В тот самый момент и проснулось внутри что-то. А ещё эта улыбка странная приклеилась, как в детстве, когда ждёшь боя курантов, чтобы содрать с коробок красивую обертку. Хотя ещё неделю назад проковыряла дырку и уже прекрасно знаешь, что там кукла и розовые пушистые тапочки с ушками.

– Ольга Станиславовна! До свидания! – хором крикнули мои большие малявки, что толпой выпорхнули из дверей на-

чальной школы, в которой я работала.

Перегнулась через перила, помахала им, впитывая последний раз их искренние улыбки. Следом показались благодарные родители, что никак не хотели меня отпускать, засыпая благодарностью за 3 «а» класс. Они уже улыбались не так радужно, потому что в отличии от своих детей не предвкушали новый этап жизни, а готовились к первым трудностям. На их взволнованных лицах сменялись эмоции, а в глазах читалась грусть расставания.

– Вовка! Не хулигань! – напоследок взмахнула я пальцем, и рыжий мальчишка рассмеялся. Звонко и весело, как и должен это делать счастливый ребёнок. И это стоило намного больше пятёрок и почётных грамот, потому что счастьем ещё не придумали эквивалента. Оно либо есть, либо нет. А у детей оно было. В избытке, на зависть взрослым, измученным рутиной будней. Мы часто путаем их счастье с непослушанием, невоспитанностью, забывая чаще всматриваться в искрящиеся радостью глаза своих детей.

Свернула на задний двор, чтобы скрыться от толпы. Не хотелось растягивать прощание. Расстегнула плащ, сдёрнула шёлковый платок и вытащила из пучка шпильки, позволив волосам рассыпаться по плечам. Необъяснимое ощущение свободы и легкости заполнило грудь.

Шла медленно, рассматривая неровности тропинки, пока не напоролась взглядом на криво нарисованные мелом классики.

– Боже! Что я делаю? – рассмеялась в голос, бросила на асфальт сумку и вступила в первый квадратик, а остальное ноги сделали сами.

Собственный смех резал слух. Я даже зарумянилась, буд-то от стыда, когда допрыгала до последней клеточки, ни разу не оступившись. Схватила вещи и поспешила спрятаться в роще от возможных свидетелей моего внезапного ребячества.

Из-за сильно затянувшегося прощания с учениками я опоздала на свой автобус, поэтому пришлось втискиваться в тот, что не заезжает в наш посёлок. Подруге, что часто выручала меня, звонить не хотелось, знала, что она отсыпается после ночного выступления, поэтому деваться было некуда. Благо, проехать нужно было всего три остановки, через которые меня буквально выплюнули под натиском толпы на пыльную обочину трассы.

Я быстро перебежала проезжую часть и прыгнула в канаву вдоль дороги, мысленно ругая себя за новые замшевые лодочки, что забыла переобуть в школе. Шла медленно, обходила лужи и старалась не шаркать ногами, чтобы не запылить туфли.

В голове метались рваные мысли и планы, как было всегда перед отпуском. Хотелось вывезти Мишку к морю перед школой, покрасить веранду и поменять печь в бане. Понимала, что на всё моих сбережений попросту не хватит, ведь львиная доля уйдёт на сборы первоклашки.

Сердце ойкнуло. Как быстро бежит время! Даже опомниться не успела, как беззубый карапуз превратился в будущего первоклашку. Я и так оттянула время, подарив сыну ещё один год беззаботного детства. Можно было его ещё в прошлом году отдать, но жалко стало. Материнское сердце упрямилось, понимая, что слишком рано.

– Девушка, вас подвезти? – резкий хриплый окрик вырвал меня из тревожных мыслей.

– Нет, спасибо. Я уже пришла, – даже не взглянула в сторону машины, свернула к обочине и начала спускаться к узкой тропинке, по которой можно было добежать до «Яблоневого» напрямки через поле.

Но автомобиль не спешил уезжать. Наоборот, двигатель заглох, а следом хлопнула дверь. Я почему-то напряглась и ускорила шаг, продираясь сквозь ещё сухие стебли кустарника, когда слышала шаги сзади.

Хруст веток становился громче, ближе, отчего по спине побежали мурашки. Вытянула голову, чтобы увидеть родные красные ворота. Близко... совсем близко... Вот уже и Каткин дом с колоннами, и её машина, припаркованная рядом, а значит, я добегу. Но как только я припустила, меня схватили за болтающийся пояс плаща.

– Оляка Сладкова любит Королёва...

Тихий шёпот взорвал мои перепонки, словно рупор к ушам поднесли. Я остановилась, молясь, чтобы мне этот хриплый голос почудился.

– Вот я тебя и нашёл, Лялька...

Глава 2.

– Вот я тебя и нашёл, Лялька...

Не показалось. Мать твою, мне не показалось! Королёв...
Мой Королёв!

Внутри меня все орало, бурлило и клокотало. Хотелось раствориться, исчезнуть, но не стоять здесь, посреди зарослей шиповника. Сжала в руке ветку, но ничего не почувствовала, словно уснула. Не здесь была душой, осталось лишь тело для столкновения с пропастью, мысли мои вспыхнули и рассыпались пеплом.

– А ты все такая же, – теплое дыхание ошпарило мое ухо, коснулось щеки, а аромат чего-то сладкого заполнил нос.

Вдохнула. И это было ошибкой! Роковой ошибкой, потому как легкие обожгло этим пьянящим ароматом, а живот скрутило в узел. Тошнота стала стягивать горло, а глаза пекло от того, что я не моргала. Да что там не моргала, я дышать перестала!

Ветки снова захрустели под тяжестью шагов, а перед глазами появились белые кеды, что тут же провалились в лужу. Взгляд застыл на белой коже, что покрылась уродливыми разводами грязи.

– Совсем не изменилась, – усмехнулся мой преследователь. – Все та же танцующая походка у моей Ляльки...

Шумно вдохнула обжигающий воздух, услышав «моя Лялька», и глаза закрыла, прогоняя через грудь шорох его голоса. Сопrotивляйся, Оля! Это прошлое. Не слушай его голос. Не слушай!

— ...готов был часами любоваться твоей походкой. Легкая, плавная, без пошлого вихляния задницей, но такая соблазнительная. Даже если ты шла с тяжелым рюкзаком и в кедах — всё равно танцевала. Если девочка моя танцует — всё хорошо, значит, жить можно. Всегда знал, как у тебя дела, ещё до того, как ты скороговоркой вываливала на меня ворох ерунды девчачьей. Знал. Походка Ляльку мою выдавала.

Он сжимал край моего пояса между указательным и средним пальцем руки, затем перехватил и стал накручивать его на кулак. Серая ткань пришла в движение, натягиваясь с каждым оборотом.

Двигался медленно, прекрасно понимая, что я в ловушке и не скрыться мне от него.

— А дай в глазки загляну? — он перестал шептать и по коже поползли мурашки от вибрации его грудного голоса.

Он изменился: стал сухим, хриплым и безжизненным. Не было в нем той энергии, что проникала в меня с каждым рычащим звуком, которые он имел привычку так сладко растягивать. Не прежний мальчишка, давно не тот.

Когда Королёв понял, что я не намерена проявлять признаки жизни, то сам потянулся рукой к лицу. Тёплые, чуть шероховатые пальцы легли на подбородок и начали сжимать-

ся. Дрожали. Не от страха, нет. Чувствовала, что держится, чтобы больно не сделать, бурю сдерживает, но только чтобы обрушить её на меня позже. Момент подбирает. Ближе подбирается.

Не сопротивлялась не потому что не хотела, а потому что не могла. Из меня будто жизнь высосали. Тело стало чужим, бессильным, как ветки шиповника, что скользили по ногам, цепляясь за капроновые чулки.

– Вот так. Хорошая девочка, – твердил он, задирая мою голову. – Ну же, посмотри...

Взгляд заскользил по чёрным джинсам с дырой на коленке, из которой выглядывал край татуировки. По белой футболке, что торчала из-под кожного бомбера, по мощной шее и упёрся в кадык, что был подернут густой щетиной. Тянул меня до тех пор, пока совсем голову не запрокинул. Во власти его была: опустошенная, безвольная и будто бы голая.

Большого я не выдержу! Закрыла глаза, с силой зажмурившись, чтобы не видеть! Только бы не видеть его! Не могу!

Он был моим персональным адом! Не потому что делал что-то страшное, нет. Наоборот, любила его до неба и обратно. До дрожи в коленях, до мутности рассудка и слез, что порой текли просто так от бесконечного счастья. Но с ним связано то прошлое, о котором вспоминать даже больно. Оно не затянется, не зарубцуется, болеть будет вечно. Фантомная боль, но режет как по живому. Но той любви больше нет. Она сломана. Моя большая сломанная любовь. Именно она

сейчас стоит передо мной.

– Открой глаза, Ляля, – снова зашептал он, почти касаясь своими губами моих.

Но я отчаянно замотала головой.

– Открывай, я только посмотрю и уйду.

– Сейчас уходи, Мироша, сейчас уходи...

– Нет! Пока в глаза твои бесстыжие не загляну!

– Что? – веки сами распахнулись, а сдерживаемые слёзы хлынули потоком, замутив зрение.

Но даже это не помогло скрыть его образ, что был вырезан в моей памяти. Он лишь красивее стал, мужественнее. Синие, как васильковое поле, глаза были чуть прищурены, скулы напряжены, а мягкие пухлые губы растянуты в победной улыбке. Конечно, победил. Всегда получал то, что хочет. И сейчас готов приз забрать.

Смотрела и упивалась. Собирала выпавшие части пазла, что растерялись в прошествии многих лет, впускала в легкие дурман его запаха и нервно кусала губы, пытаясь вернуть себе хоть каплю благоразумия. Но не могла. Обессилела, обмякла. Тело трясло от желания прижаться к его груди и повиснуть на его шее, как раньше.

Слабачка! Тогда ею была и сейчас стою точно также! Таю в его взгляде, подчиняюсь, хотя внутри медленно тает фитиль бомбы, что готова рвануть в любой момент. Он рядом, а я лишь чувствую запах гари, растворяющейся в сладости аромата его кожи. Все путается. Силы тают, а земля уходит

из-под ног, подталкивая меня в объятия хаоса.

– Ля-ля-ля... – прошептал он и резко прижал меня к себе, зарываясь лицом в волосы.

Готова была поклясться, что слышала взрыв. Оглушающий, дезориентирующий. Сладко и медленно убивающий, но все равно разрушающий прежнюю жизнь. Внутреннее спокойствие рассыпалось бьющимся стеклом, а уже забытый звон опять поселился в голове, возрождая чувство дикого страха.

Его руки бродили по моему телу, будто искали подтверждение, что живая, настоящая, не видение. С силой впились в кожу под тонким трикотажным платьем, дарили тепло, но забирали воздух. Землю под ногами теряла, в куклу бездушную превращалась, но ответила... Поцелуем впился, словно жизненно важным это было. С силой сталкивалась с его языком, словно в поединке участвовали не на жизнь, а на смерть. Сами не понимали, что специально пытаемся сделать другу другу больно. Пусть так, через поцелуй, но зато больно! Зубами щелкались звонко, стонали, от удовольствия и дышать забывали.

– Ты обещал уйти, Королёв! Обещал! – хотела вырваться, но он зубами держал мою нижнюю губу. Не отпускал. Не мог. А я радовалась, что держит. Сжала кулаки, на миг ощутив легкую боль, но неважно это было. Руки сами стали врезаться в его грудь с силой. А Мирон держал губу и отпускать не думал, лишь языком ласкал, словно боль пытался унять.

– Отпусти! Мне больно...

Отпустил. Почувствовала, как рот наполняется тёплой со-
лоноватой жидкостью. Прокусил. Глаза подняла и вздрогну-
ла, вся его футболка почему-то была в кровавых разводах.

– Черт! – зашипел он и стал осматривать меня, словно ис-
кал что-то. А перехватив кулак, что продолжал вырезаться в
него, присвистнул. – Идем, хулиганка.

– Никуда я с тобой не пойду!

– Пойдёшь, ещё как пойдёшь, – взял меня за локоть и по-
тянул обратно к дороге.

– Мирон! – закричала я, зарываясь каблуками в грязь,
мысленно прощаясь с новыми лодочками. Все равно терять
уже было нечего.

– Поздно, девочка.

– Мироша, уезжай. Прошу тебя, уезжай!

Он подхватил меня на руки, чтобы не тащить вверх по
склону. Перекинул через плечо и ловко взбежал. Распахнул
багажник своего джипа и усадил в него.

– А что такое? Ты не рада видеть старого друга? – до-
стал аптечку и расправил мой сжатый кулак, откуда темны-
ми струйками бежала кровь. Черт! Наверное, та ветка ши-
повника. Я даже не почувствовала.

Скрутил колпачок перекиси и ливанул в ладонь. Жид-
кость зашипела, стала превращаться в розово-багряную пе-
ну, которую он стёр и тут же наложил повязку. Действовал
быстро, уверенно, лишь изредка скользя по мне испытую-

щим взглядом.

Рванул зубами край бинта, завязал большой нелепый бант и руки свои ко мне опять потянул. Пальцы сжали подбородок, заскользили по скулам и стали прятаться в волосах.

– Не трогай волосы, – зашипела я, отчаянно пытаюсь избавиться от неприятных ощущений. Вертела головой, била руками, пока он не прекратил. – Никогда не трогай мои волосы!

– Не рада? Оля? Или ты надеялась, что я уже сгнил? И тебе не придётся смотреть в мои глаза? Так вот, жив я, Сладкая. Жив! Из-за тебя чуть не сдох, но благодаря тебе выжил. Чтобы однажды заглянуть в глаза твои бесстыжие. Вот!

Смотри мне в глаза теперь! Смотри...

И я покорно заглянула в синюю бездну и зарыдала. В голос! До всхлипов и соплей. Так, как тогда... Боль физически чувствовала. И свою, и его через себя пропускала. Больно, черт, как больно! Не прошло, лишь пылью времени запорошило. А его появление ураганным ветром эту пыль смахнуло, оголив уродство сломанной любви.

– Уезжай, Мироша... Уезжай! Поздно...

Глава 3.

– Доброе утро, – я потянулась, расставив руки в дверном проёме кухни.

Бабушка уже пекла блины, заполняя дом волшебными ароматом и уютным шкворчанием сковороды.

– Доброе, внучка, – она повернулась, обняла меня и кивнула на кресло. – Кофе будешь?

– Конечно.

– И бабке плесни, а то с пяти утра на ногах.

Я рассмеялась, потому что у меня язык просто не поворачивался называть эту холёную даму бабушкой. Роясь в грядках, высаживая цветы или просто стоя у плиты, она была неподражаема. Никогда не видела её в чем-то мятом, старом и потрёпанном. Нет, моя Алевтина Николаевна даже дома перед телевизором просто должна была выглядеть так, будто в любой момент могут заявиться гости. Вот и сейчас, несмотря на раннее утро, на ней был чёрный сарафан в пол, что выигрышно подчеркивал до сих пор тонкую талию.

– Из тебя бабка, как из меня Плисецкая!

– Из тебя Плисецкая, как из меня стриптизёрша, – рассмеялась она. – Какие планы?

– Даже не знаю, за что хвататься, – вздохнула, выглядывая в окно кухни, что выходило на веранду.

– Мать звонила, – бабушка, очевидно, решила долго не

плясать вокруг да около, выпалив в лоб то, что тяготило её.

– Все хорошо? – прикусила язык, радуясь, что вопрос меня этот застиг, когда я уже отвернулась от пристального взгляда к столешнице, где кофемашина стояла. Мало мне Королёва, что из ниоткуда вырос на моем пути, так еще и матушка объявилась. Ненавижу гороскопы!

– А что с ними сделается? Отец диссертацию пишет, а мать устала от однообразия серых будней и ощущает на своих плечах тяжесть брэнного мира. А, забыла... Говорит, бессонница её замучила.

– Алевтина Николаевна, что за сарказм с утра пораньше? – я попыталась натянуть улыбку, протягивая ей голубенькую с золотой каймой чашечку кофе. – Не рановато ли?

– Мишку хочет увидеть, – поставила финальный аккорд женщина и отвернулась к плите. – Я отказала.

– Ну, отказала и отказала. Чего переживаешь тогда?

– А она заявила, что тогда сама придёт в гости. Про права что-то говорила ещё.

– Пусть приходит, – я пожала плечами и снова осмотрела веранду, которую предстояло покрасить.

– Ещё чего? – бабушка шлёпнула тарелку в центр круглого стола, стянула фартук и села на диванчик. – Морду недовольную я и у внука могу посмотреть, когда ты решать задачи для третьего класса его заставляешь. Или вон, к Любке Ростовской могу сбегать похвастаться, что с самого утра ничего не болит. А на мать твою пусть отец смотрит.

– Тогда отведи Мишку к ним сама, – обхватила большую чашку двумя руками, чтобы о тёплую поверхность согреть вмиг похолодевшие руки.

– Ладно, разберёмся. А что у тебя с губой, кстати?

– На грабли наступила, – натянуто рассмеялась я.

– Хм, – бабушка улыбнулась, чуть сдвинула на переносице очки и уперлась в меня своим вмиг ставшим подозрительным взглядом. – Интересно... У нормальных людей от грабель след на лбу, а у тебя на губе.

– Ты же сама сказала – у нормальных!

– И правда, – бабушка прищурилась, но потом махнула рукой. – Хоть на экскаватор напорись, главное – жить начинай. А то спряталась за Мишенькой и за ворохом тетрадей, а от жизни отгородилась. Нельзя так. Один раз живем, внуча. Один. Вот мне есть что вспомнить! Я мечтаю, чтобы и тебе было, что вспомнить.

– О! Воспоминаний у меня с избытком, Алечка. За это можешь быть спокойна.

– А я не про прошлое, а про будущее. Тебе всего двадцать шесть!

– Будет двадцать шесть!

– Олька, дурная ты голова, – бабушка сжала мою ладонь в своей, чуть нагнулась, чтобы зацепить мой взгляд. – Ну, отдохни! Напейся, потанцуй!

– Ба, ты провокатор какой-то!

– Просто пытаюсь не дать единственной внучке стухнуть

в собственном унынии. Хотя любовничка какого-никакого заведи, пыль-то иногда стряхивать нужно! – не унималась бабушка, не отпуская мою руку.

– Мам! А ты чего меня не будишь? – спасительный детский визг заставил бабушку отстраниться и разорвать свой гипнотический взгляд. – Блинчики! Ура!

– Ещё чего! – я вскочила с кресла и обняла тёплого после сна сына. Вдохнула запах его волос, поцеловала мягкую нежную щечку и прижала к себе крепко-крепко. – Сначала умываться, а потом завтракать.

– Это скучно, мам! Бабуля говорит, что правила иногда полезно нарушать.

– Твоя бабушка педагог от Бога, чес-слово. Пожалуй, пусть Алевтина Николаевна и ходит на твои собрания, раз у вас своя методика воспитания, между прочим, не одобренная министерством образования.

– Ещё чего? – вспыхнула она и, поджав губы отвернулась, чтобы не выдать коварной улыбки. – Твой сын – ты и ходи.

– Твой внук – ты и учи хорошему, – проводила взглядом убегающего сына и улыбнулась.

– Мой внук будет баловаться, играть и дёргать девок за жидкие косы. Ясно?

– Ясно, – выдохнула я, взяла чашку и вышла на веранду.

– Лялька! – с балкона своего дома замахала Катерина.

Увидев меня, она даже запрыгала на месте, как делала это всегда, когда эмоции били через край. Моя лучшая подруга

сиганула по канату вниз, перемахнула через забор и уже через мгновение обрушилась на меня с объятиями.

– Как же я по тебе соскучилась!

– Мы с тобой режимами жизни никак не совпадаем, Катюша. Ты днём спишь, а ночью работаешь, а я – наоборот.

– Но ничего, дорогая моя. Скоро у тебя отпуск?

– Со следующего понедельника. Сейчас ген уборка, библиотека и прочие чудеса школьного учителя.

– Хорошо, что ты в начальных классах.

– С этой стороны – да, но с материальной... – я закинула голову, возвращаясь к манипуляциям с собственным скудным бюджетом, который нужно было растянуть на время отпуска.

– Ты грустишь, – Катя разжала руки и стала внимательно рассматривать моё лицо.

– Не-а.

– Я вижу. Ты грустишь!

– Тебе кажется.

– Тетя Аля, а Олька грустит, – загнусавила Катя, влезая в окно кухни.

– Кать, ну хоть ты напои её. Пусть потанцует, поцелуется с кем-нибудь, в конце-то концов!

– Бабушка! – с нарочитым нажимом выдала я и встала на колени, потеснив подругу, что через открытое окно пыталась стащить конфету из вазочки. – В психологии есть такая штука... Как бы попроще объяснить, типа переноса собственных

страхов. Мне кажется, что ты боишься, что больше уже не попробуешь молодого тела, вот и прицепилась ко мне. Да, Алевтина? Сознawайся, давай.

– Да я почаще тебя молодые тела вижу, Олька! – не на шутку вспылила бабушка, подошла к окну и уткнулась нос к носу. – Это ты из себя монашку сделала.

– Вредная бабка, – я высунула язык и снова опустилась на диванчик, стягивая подругу с подоконника.

– Ну права же Алечка, – Катя забрала чашку кофе, что любезно протянула ей моя вредная старушка. – Пойдём, Оль? У меня как раз выходной. Потанцуем, выпьем и вернёмся под утро пьяные, зацелованные, но о-о-очень довольные!

– Кать, ты же помнишь, что замуж выходишь?

– Я-то помню, но вдруг мне лучше вариант попадётся? – Катерина рассмеялась так, как только она и умела. Живо, весело и настолько заразительно, что уже через мгновение смеялись все, и даже Мишка прибежал на шум.

– Все! Отстаньте от меня, – я еле выпуталась из душных объятий подруги. – Никуда я не пойду. У меня дел – вагон. А не отстанешь – Царёву наябедничаю, он быстро из тебя дурь выбьет.

– Подождёт твой вагон, – отмахнулась подруга, проигнорировав мои угрозы.

– Это ваше гулянье подождёт моего отпуска.

– Ну, смотри мне, подруга! Я помоложе буду, память у меня острая, – недобро усмехнулась Катя, переглянувшись с

Алей. — Я ещё напоминание в телефоне поставлю, на всякий случай.

Уговорить меня этим двум гарпиям не удалось, поэтому я умчалась заниматься делами, пока они окончательно не свели меня с ума своим параноидальным стремлением столкнуться с праведного пути.

Стирала, гладила и собирала вещи сына в садик, старалась отключить мозг, но мысли все время уносили меня на проселочную пыльную дорогу, в заросли шиповника и полыни, где синяя гладь василькового поля снова раскрыла бескрайнюю бездну, пытаюсь утянуть меня в свой плен.

Ощущала себя загнанным зверьком, что от хищника пытается спрятаться. Только в моем случае хищником было прошлое...

— *Что за красота такая в белых гольфиках? Новенькая? — раздалось, когда я уже почти добежала до своего подъезда. — Чего молчим? Немая? Или глухая?*

Оставалось всего три шага до безопасности, в которой я могла спрятаться от шумной компании парней, что шла за мной от самого ДК. В одной руке сжимала розовый рюкзак, с куклой барби на большом кармане, а в другой пакет с гимнастической формой. Пальцы впивались в тонкую пленку, мысленно плача, что останутся вмятины на красивом рисунке.

— *Да еще в профессорском доме живет!* — снова донеслось

сзади. – Куда бежишь, мелкая? Боишься, что папенька-профессор в угол поставит?

В один прыжок перескочила ступеньки, судорожно ища ключи в кармане джинсового сарафана. Как только рукой коснулась деревянной ручки, в металлическую поверхность подъездной двери с глухим звуком прилетел мяч. Всего в паре сантиметров от моей головы. Я вскрикнула и зажмурилась, приготовившись к нападению.

– Р-р-рты закр-р-рыли! – забавное хриплое рычание раздалось у самого уха. Я ощутила аромат табака и чего-то сладкого, такого знакомого, что невольно дёрнула головой в сторону незнакомца. Высокий парень нагнулся, поднял баскетбольный мяч одной рукой, а второй поднес к губам баночку кока-колы.

– Как зовут? – он застыл в паре сантиметров от моего лица, с интересом шаря по лицу пугающим своей остротой взглядом.

В тусклом свете оранжевого фонаря его лицо казалось нереальным, будто бы нарисованным. Тень подчёркивала остроту скул, красивую прямоу носа и резкий контур губ, что изогнулись в ухмылке, как только я коснулась их робким взглядом. Вместо того, чтобы убежать, я продолжала рассматривать его, как завороченная. Опускала взгляд всё ниже и ниже, в расстегнутом воротае джинсовой рубашки виднелся край татуировки.

– Ольга. Ольга Сладкова, – почему-то покорно выдала я,

облизывая пересохишие губы.

*– Фу, как грубо. Тебе не идёт, маленькая. Будешь Олькой.
Олька Сладкова слаще кока-колы...*

Но нельзя мне в прошлое... Запрещаю!

Глава 4.

Неделя пробежала незаметно и весьма успешно. Королёв больше не попадался на глаза, оставив за собой след тревожных сновидений, а матушка вновь забыла, что хотела увидеть внука. И слава Богу! Её внезапного внимания мне только не хватало. И так забот было полно, свои запоздалые родительские порывы пусть пока припрячет до лучших времён.

Меня устраивали скудные поздравления с праздниками и аккуратно упакованные подарки, что она передавала для Мишки через бабушку. Сын, как ни странно, не задавал вопросов. Ему словно достаточно было любви и внимания от прабабушки. Ведь именно она была с ним с самых пелёнок, мужественно встречая изнуряющие истерики от коликов, режущихся зубов и плач от каждого расставания с матерью. Бабушка вовлекала малыша в забавные игры, чтобы дать возможность выскользнуть из дома без разрывающих материнское сердце слёз. Она стала моей стеной, опорой. Благодаря её самоотверженности я смогла закончить университет и получить нормальное образование. Именно Алечка забирала тревогу, боль и чувство опустошённости. Стала спасательным жилетом, что не дал пропасть в водовороте внезапно обрушившейся взрослой жизни. Не дала утонуть, вытащила на берег и терпеливо ждала первых шагов по дорожке, вымощенной из проблем и страхов. Радовалась успехам, помога-

ла преодолеть трудности. Она дала нам крышу над головой, позволив вновь ощутить уют родного дома.

Прижалась к решётке веранды, тихо наблюдая, как Мишка носится по участку, пытаюсь спрятаться от бабушки. А Алечка покачивалась в кресле, закрыв красивое лицо сухими пальцами, на которых сверкали перстни. Это была забавная игра, потому что вариантов выиграть у внука просто не было. Он злился, а бабушка была неумолима к детским слезам. Она даже и не думала поддаваться, и мне не позволяла, а замечая мой соблазн «Включить слепую мамочку», громогласно выдавала местоположение малыша. *«Жизнь – не рафинад! Пусть знает, что спрятаться никогда не удастся! Трудности нужно встречать смело, Оля».*

– Мам, а ты когда вернешься? – Мишка сжал губы, в очередной раз смирившись со своим проигрышем, и бросился ко мне в объятия, которыми просто невозможно было насытиться.

– Ты три ночи поспишь без меня, а утром я уже дома буду, сынок, – прижалась губами к мягкой щечке малыша, уловив запретную сладость шоколада. – За тобой присмотрит Ирина Николаевна, Миша. Ты же будешь хорошим мальчиком?

– Мам, ну ты чего как маленькая? Драться и плевать, как Васька Юдин, я не буду, знаешь ведь! – рассмеялся мой мальчик и опустил свои руки мне на плечи, прижимая к себе крепко-крепко. – А ты возвращайся скорее.

– Договорились.

– Так, долгие проводы – лишние слёзы, – бабушка вручила мне термос с кофе. – Ты Катьке зачем сказала, что я не справлюсь с внуком?

– Это был последний аргумент, Алечка...

– В скорлупе своей остаться хотела, прикрываясь престарелой бабкой?

– Ну, ба-а-а...

– Ладно, прощаю. Но малёк со мной останется, ясненько?

– Договорились...

Перекинула через плечо спортивную сумку и потащилась по дорожке, смакуя разливающуюся тревогу в теле. Всё было так быстро и неожиданно. Подруга клещами вцепилась в меня, не приняв ни одной отговорки, что позволила бы мне остаться в тихом уюте своего дома, вместо этого сплава. Но я знала, что Катерина не отцепится. Если уж втемяшила себе в голову что-то, то обязательно добьется, невзирая ни на что. Поэтому покорно отдала сумку её жениху, Саше Царёву, влезла в его огромный джип, пристегнулась и в последний раз посмотрела на тусклый свет окон своего маленького светлого дома из кругляка.

– Ну, вы готовы повеселиться? – Катька хитростью завладела водительским креслом и еле заметно ёрзала от нетерпения, ошпаривая жениха сверкающим озорным взглядом, затем повернулась и по мне прошлась жаром рвущейся жажды приключений. – Ты готова, Сладкая?

– Кто? – почему-то поперхнулся Царёв и точно так же

обернулся, вцепившись в меня пристальным взглядом.

– Сладкова Оля, – почему-то рассмеялась я, протягивая ему свою руку. – Приятно познакомиться.

– Повеселимся... – протянул Саша и как-то слишком медленно отвернулся.

Но в тот момент я даже не обратила на это внимания, потому что мыслями была с сыном, которого еще ни разу не оставляла одного так надолго. Но вскоре тревога стала уходить, а улыбка все чаще касаться моих губ.

Невозможно было не улыбаться, глядя на эту странную парочку. Катерина задирала Царёва, а он позволял, словно наслаждался ее порой взбалмошным поведением. И смотрел... Смотрел с таким обожанием, что все сомнения вмиг рассеивались, потому что их чувства были не просто видны, они были осязаемыми, живыми и такими сильными, что воздух искрился. Быстрые взгляды, касания украдкой и смущённые улыбки – всё кричало о волшебных чувствах, что пылали в их влюбленных сердцах. Это было прекрасно. Закрыла глаза, пытаюсь задержать это нежное чувство в своем высохшем сердце чуть дольше, чтобы насладиться. Радовалась, тихо смахивая слезы, что предательски выдавали моё состояние.

От переизбытка эмоций я провалилась в крепкий сон, в котором не осталось места страху, переживаниям и тревогам. А проснулась от резкого смеха. Замерла, прислушиваясь к странному звуку, что показался мне до боли знакомым.

Показалось...

Покрутила головой, обнаружив, что в машине одна, а чуть поодаль, в центре палаточного лагеря, за большим столом сидит большая шумная компания. В приоткрытое окно проникал такой соблазнительный аромат жареного мяса. Натянула толстовку и выскочила из машины.

– Ну вот, я всё проспала. Как же я хочу есть!

– Давай, Оля, я тут порцию для тебя от Севки охраняю...

Но я уже ничего не слышала и не видела, потому что, бегом пробежавшись по собравшимся, наткнулась на незнакомца, что сидел ко мне спиной. Его рука с зажатой в знакомой манере сигаретой свисала с мягкого подлокотника, обнажая буйство красок татуировок, что покрывали его кожу от самого запястья. Потеряла четкость зрения, но это не мешало мне. Потому что прекрасно знала, что замысловатые картинки опасной паутиной тянутся до самого плеча, смыкаясь на лопатках. Каждый миллиметр его кожи помнила, оттого и подушечки пальцев вспыхнули, будто снова ощутить хотели бугристую поверхность шрама чуть ниже шеи, что был скрыт под плотным рисунком.

Королёв дернулся, словно от пощёчины. Медленно повернул голову к ошеломленной Катерине, что-то прошептал и обернулся.

– Оля Сладкова любит Королёва, – выдал он и рассмеялся, обжигая меня тем самым странным взглядом, перепол-

ненным какой-то жуткой ненавистью. Не задержался долго, лишь проскользил по голым ногам, замер на губах и отвернул голову так же внезапно, как и повернулся.

Готова была раствориться, сгореть, исчезнуть или попросту сбежать, растаяв в гуще леса. Глупо? Ещё как! Но и находиться рядом с ним было нельзя. Один взгляд, и я снова на краю бездны.

– Оль, – Катя быстро подхватила меня под руку и потащила к столу. – Знакомься, Сашины лучшие друзья: Ксюша, Лёвка, его девушка Лиля, а там – Королёв. Они хорошие, правда, Лёвке чувство юмора в роддоме отрезали, но ничего. Мы его всей компанией ищем. Не сдаёмся...

Катя щебетала, словно старалась заполнить тяжелую тишину, что нависла над столом. Но меня это совсем не волновало. Чувствовала любопытные взгляды друзей, тяжелый взгляд Царёва, по которому видно было, что пазл в его голове сложился окончательно, всё стало вмиг безразлично. Потому что центром моей вселенной снова стал тот татуированный мальчишка с бездной в глазах...

– Ты почему так поздно возвращаешься? – хриплый голос, как удар, настиг меня у самого подъезда. В очередной раз.

После нашей последней встречи прошла неделя, а я, как дура последняя, всё ждала. Дрожать начинала, входя во двор своего дома. Осматривала каждый миллиметр спортивной площадки, словно хотела найти того странного

парня, чтобы увидеть его при свете дня. Окна моей комнаты выходили во двор, поэтому я целыми днями сидела на подоконнике, пытаясь узнать знакомую вальяжную походку среди прохожих. Но нет... Никого. И вот сейчас я снова слышала это протяжное хриплое «р-р-р-р-р-р».

— На танцах задержали, — почему-то ответила я, но повернуться так и не решалась. Застыла у самой двери, молясь, чтобы никто не вышел и не нарушил волшебство долгожданной встречи.

— Девочкам опасно ходить по ночам, — усмехнулся он, подходя ближе.

— Да, мама говорила.

— А ты слушай маму, — внезапно рассмеялся парень и обошел меня, прислонившись спиной к стене. Темноту разрезал вспыхнувший огонёк зажигалки, что на миг осветил его лицо, пока он прикуривал коричневую сигарету. Носа коснулась приторная сладость шоколада и горечь табака, но мне не было противно, наоборот, вдохнула дым в лёгкие, давя кашель, что рвался наружу.

— Когда у тебя танцы?

Пыталась рассмотреть его, но кто-то опять выкрутил лампочку над подъездом, и по-осеннему густой сумрак заботливо укрывал моего незнакомца. Словно нарочно издевался, подогревая любопытство. Парень будто всё понял, поэтому сделал шаг навстречу и чуть склонился, как в прошлый раз, сравнившись с моим лицом.

– Понедельник, среда и пятница.

– Хорошо, Сладкая...

– Ольга! – внезапный крик матери разрушил тишину, дверь скрипнула и распахнулась. – Ты ключи опять потеряла?

– Нет, – я разжала ладонь, демонстрируя связку, что сжимала с такой силой, что резкие углы граней впились в кожу, оставив след.

– Почему тут так пахнет? Ты с кем говорила? – не унималась мама, затягивая на шее бордовый палантин. Она вышла из подъезда, заглянула за дверь, но там уже было пусто... Лишь густой аромат его странных сигарет напоминал о короткой встрече с загадочным парнем.

– Ни с кем, мам. Пошли домой?

– Сволочи! Опять лампочку выкрутили! Подонки дворовые по ночам крутятся на спортивной площадке стали... Но я разберусь!

Глава 5.

То, что планировалось как отдых, превратилось в пытку. Медленное истязание, что приносило лишь боль и ощущение надвигающейся бури. Нет, Мирон не цеплялся ко мне, не касался и даже заговорить не пытался. Лишь его напряженный взгляд ощущала на себе. А это было хуже касаний, потому что тело в узел стягивалось под жаром его синих глаз.

Я оказалась меж двух огней. С одной стороны был Мирон, что душил меня лишь своим присутствием, заставляя постоянно висеть в воспоминаниях и вздрагивать от его хриплого смеха. А с другой стороны – мои друзья. Мы дружим ещё со школы, но, несмотря на довольно приличный срок, никто из них не знает о том, что произошло той весной... Если Наташка и Севка бросали лишь любопытные взгляды, то Катерину буквально выворачивало от сжирающей её неизвестности. Но за это я и любила её – терпения в этой девчонке хватит на пятерых. Она будет корёжиться, но никогда не задаст вопрос, пока не почувствует, что я готова ответить на него. А я до сих пор не готова... Ростовской только и оставалось, что обнимать меня, чтобы хоть как-то поддержать. А мне и этого было достаточно, поэтому я отчаянно шептала ей на ухо: «Спасибо!».

Подруга очень переживала, когда оказалось, что мне придётся сесть в лодку с Королёвым. Кирилл наотрез отказался

отпускать нас с Ксюшей одних, поэтому выдернул Королёва, что уже абсолютно по-королевски расселся в отдельной байдарке. Сука! Он улыбался! Зна-а-а-ал... что не отпустят нас одних. Оттого и посмеивался, наблюдая за нашими сборами. Ксюша словно ощутила наше напряжение, села посередине, но это не спасало меня. Всё равно жарко было, душно и невыносимо. Уж лучше бы он говорил, чем терпеть всю силу ненависти во взгляде. И молчание... Молчал! Лишь дышал, как зверь загнанный. А я не могла перебороть себя и заставить не оборачиваться. Не могла! Исподтишка рассматривала его мощные плечи, сильные руки и вспоминала волшебные картинки, что я могу по памяти нарисовать даже спроне. Королёв делал вид, что не замечает меня, подначивал Севку и Царёва, ввязывая компанию в весёлую игру наперегонки по течению небольшой спокойной речки. Веселился. Хорошо ему было, пока я медленно умираю, как наркоман, погибающий в ожидании очередной дозы...

А совсем плохо становилось на остановках... Мне приходилось протягивать ему свою дрожащую ладонь, чтобы выбраться на берег, а потом упиваться безразличием, что он намеренно разыгрывал, даже не поворачивая головы в мою сторону. Смотрел исподтишка, чтобы никто не видел. Но я чувствовала, как он скользит по ногам, груди и застывает на шее. Не мешал ему даже скромный слитный купальник, что отчаянно прикрывал мое изнывающее тело.

Везде был он! Не смотрел, не трогал, а мне душно было.

В голове поселился, мысли спутал и дыхание сбивал. Кожей чувствовала его, уснуть не могла, даже понимая, что палатка его на другой стороне лагеря. Тесно нам было рядом друг с другом, поэтому и радовалась, что осталась лишь одна мучительная ночь, а дальше я вновь окажусь в спасительном спокойствии своего дома. Но тут меня ждал сюрприз...

В начальную точку мы вернулись только под вечер, потому что задержались на очередной остановке, на которой парни устроили заплыв на спор. Поэтому из лодок выбирались лишь на закате.

Обязанности мы распределили ещё в первый день сплава, поэтому Наташка, Катя и Ксюша отправились готовить поздний ужин, парни помогали Кириллу вытащить лодки на берег, а я пошла готовить палатки ко сну: вытряхивала основные иголки, обрабатывала репеллентами, чтобы потравить всю живность, и развешивала спальники на длинной верёвке недалеко от костра, чтобы немного подсушить их перед сном.

Закончив рутину, отправилась в душ, а вернувшись, обнаружила сюрприз... Около моей палатки в шезлонге сидел Королёв.

– Уплотнение, Сладкая, – спокойно и крайне хладнокровно произнёс он, даже головы не поднимая. – С тобой спать буду.

– С чего это? Веслом по голове прилетело всё-таки? – сжала губы, пытаюсь понять, что он задумал. – Осторожнее нуж-

но быть, Мироша. Береги головку.

– Оглянись, – он сжал челюсть, пропустив мои колкости и лишь махнул головой в сторону парковки, что стала заполняться вновь и вновь подъезжающими машинами. – Новый заезд туристов. Кирилл сказал уплотняться.

– И что? Я тут при чем?

– А ты тут не при чем, – Королев убрал телефон, достал сигарету и прикурил, наконец-то подняв на меня свой взгляд. – Просто с тобой хочу.

– Долго думал, Королёв?

– Два дня, – рассмеялся он и затаился, сжав фильтр в своей коронной манере между средним и безымянным пальцем.

Молчала. Смотрела на его довольное лицо и слова выдать не могла. Наивная, думала, что смогу пройти по краю, ни разу не сорвавшись вниз? Нет, не получилось. Никакие здравые мысли не могли остудить мой пыл, потому что внутри я просто пылала. То, что было скрыто под коркой многолетнего льда, стало таять под его взглядом. Тело ещё помнило его нежные касания, горячие влажные поцелуи и страстный шепот: *«Моя сладкая девочка...»*.

Помнила все, хотя так сильно хотелось это забыть, что сердце закрыла и амбарный замок повесила. И вот он лёгким касанием сорвал этот замок вместе с петлями, вытащил все воспоминания, что трусливо прятались внутри.

– Я с тобой не лягу! – внезапно слишком громко зарычала

я.

– И как же быть? – он прищурился, словно пытаясь что-то рассмотреть в моих глазах. Усмехнулся и затушил окурок, бросил его в открытую банку кока-колы и достал семечки, словно приготовился к просмотру фильма. Придурок!

– С Царёвым поспишь, Королёв! – заметила быстрое приближение Катерины с Сашей, в сторону которого отчаянно тыкала пальцем. – Вам по рангу положено в одном замке существовать!

– Оляка Сладкова злее Муми-тролля, – хрипло смеялся Мирон. Вот только взгляд его был совершенно стеклянный. Ни единой смешинки. Лишь холод и... презрение?

– Замолчи, Королёв! Замолчи! Столько лет прошло, а ты все такой же! Как десятиклассник, шутками тупыми сыплешь, сидя на лавке у подъезда! – внезапно взревела я, бросаясь с кулаками на грудь Королёва.

Но и это было ошибкой... Густой аромат его сигарет и сладость газировки, что была его вечным спутником, окутал меня. Утонула... Тело перестало слушаться, кулаки ударялись всё медленнее, а с последним ударом и вовсе разжала ладонь, опуская на его грудь, чтобы впитать его тепло и учащённый ритм сердцебиения. Королёв не растерялся, быстро рассыпал семечки и опустил руки мне на спину, пробегаясь пальцами вдоль позвоночника.

– А-а-ах... – вырвался тихий стон сквозь прикушенные губы, что мог услышать лишь Мирон, и он услышал. Лица

не видела, но чувствовала, как напряглись пальцы.

Первой очнулась Катя, она схватила меня за руку и дернула на себя, разрывая магию нашего объятия. Но меня было не остановить, я рвалась к нему то ли чтобы убить, то ли чтобы просто прижаться. Подруга поняла, что не сможет справиться с моим внезапным всплеском, поэтому ловко передала меня в крепкие руки Саши.

– И ты все такая же, МОЯ сладкая девочка, – Королёв, встал с кресла, сделал шаг в нашу сторону и наклонился, практически нос к носу. – Такая же!

– Мирон! – Царёв отдернул друга за капюшон, не понимая, как поступить правильнее. – Чего расшумелись? Такое свидание мне испортили.

– Я не лягу с ним в одну палатку! – затопала я ногой, пытаюсь вырваться из мёртвой хватки Царёва. – Катя! Пусть Саша с ним ложится или Лёва! Они же друзья, а я с тобой лягу!

– Ещё чего! Мне есть с кем спать, – молния в палатке Лёвы взвизгнула, явив сонного парня.

– Саш, ложись в мою палатку? – я обернулась к Царёву, взглядом умоляя о помощи.

– Все, уговорите! Пойдём, Королёк, покурим, – убедившись, что я больше не буду бушевать, Саша передал меня растерянной Катерине.

– Не пойду, мне и здесь удобно. А то я свалю, а она палатку займёт. Да? П-ф-ф... Дурака нашли...

– С удовольствием наблюдаю, как Королёв спит на хо-

лодной земле, – зашипела я, пряча лицо в плече подруги.

– Так, – прикрикнул Царёв, заметив, что народ на берегу стал оборачиваться в нашу сторону. – Никто на земле спать не будет!

Царёв сказал – Царёв сделал, поэтому последнюю ночь я провела в палатке подруги, сгорая от стыда за неудобство, что создала.

Я боялась поворачиваться, практически не дышала, прижималась к холодной стенке палатки, чтобы не мешать друзьям своим присутствием. Тело ныло от напряжения, чувствовала каждую мышцу, что дрожали натянутыми струнами, готовые лопнуть в любой момент от напряжения.

А на что я рассчитывала? Королев и в детстве не был тихим мальчишкой, теперь и подавно смирения от него глупо ожидать. Но я так надеялась, что эти три дня пройдут без конфликтов и столкновений. Старалась не пересекаться с ним взглядом, не разговаривала, вела себя вполне естественно и не подавала вида, что напугана до смерти. Оставалась всего одна ночь. Всего одна. Чертов Королёк!

Не сбежала я лишь потому, что он тут же бросился бы вдогонку. Сопротивляющаяся добыча вызывает азарт у хищника, а полудохлое создание – жалость. Да! Именно жалость я и пыталась вызвать у него. Было все равно, что он думает обо мне, просто хотелось показать, что уже не болит, что отпустила и живу своей жизнью.

Поначалу я расслабилась, поняв, что Мирон и сам не спе-

шит разговоры разговаривать, не достает, не цепляется, относится как ко всем. За это и поплатилась. Стоило лишь ненадолго потерять бдительность – БАМ! Он выставил капкан, куда я и угодила. Он специально усыплял мою настороженность своим напускным спокойствием, выжидал момент. Нужно было сдержаться, а не впадать в истерику и, уж тем более, не бросаться в его объятия, пусть и с желанием прикончить, но всё же.

Жутко... Даже глаза страшно прикрыть, потому что чувствую, как путы прошлого уже раскинули свои объятия, чтобы затащить в свой плен.

– ...Опять одна?

Я даже не испугалась резкого окрика, потому что чувствовала его присутствие. Шел за мной от самого ДК. Молча следовал по извилистым тропинкам рощи, которую я обычно обходила стороной, предпочитая бежать по освещенному тротуару. Но в его присутствии мне было хорошо и спокойно, поэтому я смело свернула в темноту сосновой посадки.

– Как тебя зовут? – быстро обернулась, выхватив в темноте силуэт в капюшоне объемной толстовки, что скрывал его лицо.

– Мирон, – парень закурил и ускорил шаг, сокращая расстояние между нами.

– Почему ты меня провожаешь? – так хотелось загля-

нуть ему в лицо, но смелости не хватало.

— Сам не знаю, — рассмеялся он, задирая голову так, что в отогнувшемся ворота белой футболки снова показался рваный край татуировки. — Сколько тебе?

— Двенадцать будет, — с какой-то глупой гордостью выплюнула я, едва повернув в его сторону голову.

— Поэтому и провожаю, — парень вздёрнул брови, но тут же отстал.

— А тебе?

— Семнадцать, — хрипло рассмеялся он, отставая еще сильнее. — Давай шевели лапками, а то я опаздываю из-за тебя...

Я зажмурилась, чтобы прогнать липкие воспоминания, но тут же распахнула глаза. Мне вдруг стало жарко, а легкие вспыхнули пламенем, будто кислород из палатки выкачали. Делала глубокие медленные вдохи, боясь разбудить друзей. Но это не помогало. Дёрнула молнию и выскользнула из палатки, провожаемая любопытным взглядом Катерины.

— Я подышу. Спи.

Шла к берегу, не дыша. И лишь вырвавшись из плотного кольца лагеря, побежала. Остановилась в сантиметре от края пирса, глубоко вдохнула и зарыдала.

Жалость к самой себе захлестнула меня с головой. Дура! Дура! Нужно было бежать от него, а не ждать, пока рванет бомба. Сама фитиль подожгла, так чего уж тут реветь?

– Ты опять одна по ночам шляешься? – его голос заглушил мой плач.

– Королёв, что ты хочешь?

– Честно?

– А ты умеешь? – вытерла слёзы и натянула капюшон толстовки, чтобы не было соблазна подсматривать за Мироном.

– А ты?

– С тобой невозможно разговаривать, Королёв! Тогда невозможно было, а сейчас и подавно!

– А со мной не нужно разговаривать, Сладкая, – его шепот послышался близко. Слишком близко. Тяжелые руки легли мне на плечи, опустила глаза, рассматривая знакомые татуировки, что выглянули из-под манжета толстовки. Руки его поползли вверх и сомкнулись на моей шее. Мирон опустился на колени, прижался к моей спине, и вот – уже его горячее дыхание обжигает мою щеку.

– Не разговаривала ты со мной, Оля, а целовала. Нежно-нежно... И сейчас поцелуешь, – пальцы сжимались на моем горле, дышать становилось всё тяжелее, но этот опасный странный жест вызвал во мне ураган. Перед глазами всё поплыло, мысли смешались.

– Нет! – крикнула я, да так громко, что голос мой эхом загулял по водной глади. Вцепилась в край пирса, ощущая, как рваный край дерева впивается в кожу. Старалась выдавить из себя рвущиеся эмоции, чтобы вновь ощутить приятное спокойствие в теле.

– Да, – Мирон резко развернул меня, как куклу, и впился губами. Как тогда!

Жадно. После его поцелуев у меня губы огнем горели, кожу саднило, а по краям корочки появлялись. Вот и сейчас ласкал мои губы языком, щекотал нёбо до тех пор, пока я навстречу ему не подалась. А после, как обычно, лизнул. Мягкий влажный язык прошелся от подбородка до кончика носа, принося аромат сигарет и сладость кока-колы. Руки сместились с шеи и нырнули под куртку. Действовал быстро, чтобы не успела опомниться и не начала отбиваться. Но я не могла. Лишь застонала, когда холодные ладони сжали мою грудь, стиснув меж пальцев затвердевшие соски.

– Нравится моей девочке, – шепнул и снова лизнул, чуть замедлившись на губах, чтобы пройтись по нежной коже. – Выросла моя девочка, уже нет угловатости, титьки вон какие, в руку не вмещаются. Хороши титьки... Думала, спрячешься от меня за спортивным костюмом? Глупенькая... Только глаза грустные, как раньше, и губы сладкие, как мармелад.

– А ты все такой же наглый, Королёк. Берёшь то, что хочешь, и никого не спрашиваешь.

– А кого мне спрашивать? Матери твоей нет здесь.

– Можно подумать, она тогда тебя остановила, – голос пропал, оставалось только шептать. – Отвали, Королёв!

– Ой, как неубедительно, Сладкая, – рассмеялся он, но не отпустил, лишь сильнее прижал к себе. – Не верю, Олька. Не

верю! Ни одному твоему слову не верю.

– Ненавижу тебя!

– А я вот прям чувствую, – резко дернул рукой, пробираясь под тугую резинку спортивных штанов. – Ух... Как мокро. Это от ненависти, Сладкая? Странно, а я думал, что женщина становится горячей, мягкой и мокрой лишь от желания.

– Ты ошибаешься, Королёк.

– Сладкая моя, – шептал на ухо, пытаюсь усыпить мою бдительность, пока его жёсткие пальцы правой руки скользят под ткань белья. А вот левая медленной удавкой стала обвивать шею. Капкан... Две секунды, и я оказываюсь беспомощной тряпочкой в его крепких родных руках. От каждой моей попытки вырваться боль пронизывает всё тело, горло сжимается в спазме и пересыхает от жадных глотков воздуха, смешиваясь с собственными животными стонами. Меня трясёт от реакции своего тела. Волна возбуждения накрывает меня резким, болезненным ударом. И лишь его отчаянный шёпот не даёт провалиться в манящую темноту обморока.

– Лялька моя... – шепчет, а сам скользит пальцами по складочкам, намеренно обходя налившийся от бурлящего возбуждения комочек удовольствия. Медлит, дразнит, усыпляет. Снимает броню слой за слоем, пробивается к самому сердцу, сдергивает пыльную ткань с воспоминаний, погружая меня в пучину прошлого, где я была только его.

– Проси давай. Только по-настоящему, – его губы сжима-

ют мочку моего уха, проходя твёрдым кончиком языка по краю нежной кожи. – Чтобы я поверил, проси. И тогда я разрешу тебе кончить.

– Отвали...

– Нет, Олька. До утра буду мучить тебя, – пальцы его вдруг замирают, а потом резко и сильно щёлкают по клитору. Тело моё взрывается обманутым ожиданием облегчения, но нет... Королёв лишь пообещал. Не даст мне этого, пока не получит то, чего хочет. – Давай, милая... Скажи...

– Мироша-а-а-а, – проскулила я, отчаянно дёргая бедрами в поисках его руки.

– Нет! – зарычал он так, что перепонки завибрировали. – Проси, Сладкова! Проси!

– Нет!

– Хулиганка, – выдыхает он, тихо смеётся, а пальцы всё быстрее и быстрее кружат, увлекая меня в сладкий ад. – Моя жадная маленькая хулиганка.

Душа и разум покидают моё тело. Мышцы расслабляются, кожа горит, а бабочки в истеричном испуге мечутся во всём теле. Они словно пытаются заставить меня очнуться, но не могу. Откидываю голову ему на плечо, и его губы скользят по щеке. Я вдруг ощущаю всю силу напряжения его тела, вбираю мелкую дрожь и шумные вздохи. Не одна я на грани. Королёк мой тоже готов взреветь от бушующего возбуждения, но терпит изо всех сил.

Открыла глаза, сталкиваясь с его ласковым, как морской

штиль, взглядом. Но это всего лишь миг... Нежность вмиг превращается в бурю, что разрушает всё вокруг, но это всё уже неважно, потому что я, как сумасшедшая, скулю от сладости, что овладевает моим телом.

– Проси.

– Пошёл ты, – выдыхаю я, ощущая, как низ живота скручивается, а по ногам бегут обжигающие мурашки, готовые взорвать моё равновесие на миллион осколков.

– Свободна... – Мирон внезапно разжимает свои руки, а холод, опустошение и разочарование обрушиваются на меня всей своей силой унижения. Королёв тихо смеётся и падает на деревянный причал, закидывая руки под голову. Шарит по мне острым, как лезвие взглядом и улыбается.

– Обидно, да? Не расстраивайся, можешь продолжить, но уже без меня, – Мирон достаёт сигареты и закуривает, освещая вспышкой зажигалки своё лицо.

Дура! Дура!

– Урод! – зашипела я и резко вскочила.

Не мой это Мироша. Смотрю и не узнаю в этом огромном мужчине моего мальчика. Другой он. Повзрослел, и игры у него уже иные, напитанные властью и жестокостью. И вот теперь становится страшно, потому что передо мной пропасть, в которой обитает хищник, что открыл свою охоту...

Бросилась бежать от него прочь. Подальше, лишь бы не видеть, не чувствовать. Вот только не вышло, потому что губы саднило от его поцелуев, грудь ныла от грубой ласки, а

кожа и волосы пропахли его ароматом жженной карамели и сладкой газировки.

Я практически влетела в палатку, запнувшись о внимательный взгляд Царёва, что прижал к себе Катерину, чтобы я не затоптала её в порыве бушующего гнева.

– Прости...

Зарылась в спальник и прижалась к стенке, пытаясь согреть свои руки дыханием. Все к чертям полетело. И здравомыслие, и броня, которые, казалось, я выработала за годы, что мы не виделись, но Королёв не знает преград. Аллергия у него на препятствия, потому как чем сложнее цель – тем слаще победа. Сладкая... Я была его сладкой победой, превратившейся в бочку дёгтя. Этого и не может простить. А мне и не нужно его прощение, потому что он и его семейка дерьма в мою жизнь тоже доставили вагон. Но я справилась, и сына вытащила на себе, поэтому не пущу к себе! Хватит! Эх... Ещё бы телу это объяснить, потому что если мозг стал забывать, то тело до сих пор помнит жар его касаний. Оттого и ноет сейчас, отчаянно моля вернуться на тот пирс, чтобы вновь ощутить себя любимой, желанной и счастливой...

Тент палатки, к которому я прижималась стал натягиваться, а в тусклом свете стал различаться контур мужской ладони. Он словно пытался ощутить меня через ткань. Рука по инерции дёрнулась и прижалась. Даже сквозь холодную ткань ощущала его жар и мелкую дрожь. Тихий шепот точным ударом влетел в моё рассыпающееся от воспоминаний

сердце, выбивая слезы отчаянья.

– Оля Сладкова...

Я попалась, и капкан захлопнулся, вот только пойму я это слишком поздно...

Глава 6.

Остановилась у детской качели, вцепившись в металлическую перекладину. Старая облупившаяся краска врезалась в кожу ладоней, но мне было не больно. По сравнению с тем, что происходило внутри, боль физическая казалась ерундой.

Подняла голову, пытаюсь найти окна своей комнаты. Я не была дома восемь лет. А если бы бабушка не свалилась с температурой, и сегодня бы не пошла. Страшно было. До жути страшно!

Выдохнула и опустилась на треснувшее деревянное сидение качели, судорожно оборачиваясь. Искала перемены, но двор будто замер, а временную пропасть в восемь лет выдавала лишь ветхость, что бросалась в глаза. Все словно вымерло, лишилось детского крика, скрипа качелей и глухих ударов мяча о баскетбольный щит.

Я была совсем маленькой, когда отца перевели в местное НИИ. Помню, как впервые оказалась в подъезде кооперативного дома: красивая лестница с резным деревянным поручнем, широкие ступеньки и густой запах парфюма. Здесь не было запаха хлорки и тушеной капусты, что просто душил в нашей коммуналке, все было иначе. Мама радовалась, ходила в туфлях по лакированному паркету, наслаждаясь эхом от удара каблучков. Папа поправлял очки, осматривая свой будущий кабинет, а я стояла на пороге, сжимала в руках мед-

ведя, боясь испачкать зеркальную поверхность чистого пола. Все было другим! Ни окрашенных зеленой краской стен, ни разбухших дверей с многослойным слоем краски, что осыпалась от каждого громкого звука, и даже паутины бельевых веревок под самым потолком тоже не было.

Сердцебиение замедлилось, паника будто отступала, позволяя мыслить трезво. Я даже улыбнулась, заметив заросшую кустарником тропинку к детскому садику, что стоял по соседству со школой, куда я пошла в первый класс.

Все моя жизнь была завязана на этом дворе. Три дороги: сад, школа и дом. Помню, как радовалась, когда мне удалось уговорить маму отпустить меня на кружок танцев, что открылся в нашем доме культуры. Она бы никогда не отпустила, если бы не моя подруга Настя, а вернее, её мать, что сжалилась надо мной. Мама очень уважала тётю Зину Токареву, это я сейчас понимаю, что не уважать её попросту было нельзя, потому что муж её был начальником моего отца. Мама тогда сдалась, а у меня появилась еще одна дорожка. Новая, неизвестная, но такая привлекательная.

Ждала вечера, чтобы пробежаться вдоль берёзовой рошцы в сторону ДК, где можно было громко смеяться и веселиться, не боясь строгого взгляда. Там я и познакомилась со своей лучшей подругой. Катерина танцевала так, что у нас дух захватывало. Она заигрывала с музыкой, погружая всех присутствующих в густой туман зависти. Всех, но не меня. Я просто млела от худенькой блондинки, что сотрясала зал

своим звонким смехом. А потом и вовсе оказалось, что наши бабушки дружат уже очень много лет и даже живут через забор. Нам суждено было сдружиться, и даже разница в возрасте не стала помехой.

Я вздрогнула, будто стряхнула пелену детских воспоминаний и, сделав над собой усилие, оттолкнулась и пошла к подъезду.

– Олюшка, детка, – раздалось справа, когда я вбежала по ступенькам.

– Галина Павловна, – на выдохе прошептала я, столкнувшись взглядом с бывшим завучем. – Здравствуйте.

– Какая красotka, – театрально заохала женщина, поправляя свои всё такие же ядрено-рыжие кудри, сколотые на затылке шпильками. – А в школе-то гадким утенком была. Как сейчас помню: маленькая, волосики жиденькие, глаза испуганные, а худющая какая – смотреть страшно было.

– А вы тоже не изменились, – язык прикусила, лишь бы не сорваться и не наговорить вредной женщине гадостей. Знала, что матери расскажет, они еще в школе сдружились. Вместе позорили меня перед всем классом, вместе в театр ходили, вместе кости родителям перемывали на нашей кухне, этакий идеальный купаж яда.

– Стараюсь, – наигранно рассмеялась она. – Мать сказала, ты все по загранкам катаешься, поэтому и не появляешься. Все же нашла время, чтобы стариков навестить?

– Точно, в гости, – процедила и скрылась в подъезде, даже

забыв попрощаться.

Ушла, так сказать, в заграничном стиле, чтобы не рассмеяться в лицо этой «милой» женщине. Значит, матушка тут щедро кормит сказками всех интересующихся, неплохо. А в словах «ГалиныБланки», как ее за глаза называли в школе, было здоровое зерно. Не домой я иду, а в гости. Поэтому и относиться к этому нужно точно так же. Остановилась между этажами, чтобы отдышаться и не выдать своего смятения. Но, как только подошла к знакомой двери, обитой коричневым дерматином, сердце снова пустилось в пляс.

Сжимала в руках ключи, что по привычке хранила столько лет, но воспользоваться ими так и не решилась, поэтому робко ткнула в клавишу дверного звонка.

– Михай-и-ил! Не смей подходить к дверям, – раздалось протяжное предупреждение, слышное на всю лестничную площадку. Голос матери невозможно было заглушить, перекричать, не услышать или просто перепутать. Он такой один: властный, громкий и устрашающий. Вот всяком случае мне так казалось в детстве. – Ольга, здравствуй...

– Здравствуй, мамочка...

Заученная мантрой фраза вылетела, как только распахнулась дверь, и в ярком солнечном свете окна из кухни показалась статная фигура матери. Она, как всегда, была при полном параде. Коричневые джинсы с высокой талией, чёрная шелковая рубашка и домашние сабо на каблучке. Мама схватила меня за руку и спешно втянула в квартиру, будто боя-

лась посторонних взглядов.

– Кофе будешь? Или сразу к отцу пойдёшь? – мама с нескрываемым любопытством осматривала меня с ног до головы, тщательно обходя лицо, чтобы ненароком взглядами не столкнуться.

– Мишка готов? – скинула кроссовки, нарочно выходя за края придверного коврика, сбросила джинсовку на банкетку и пошлепала босыми ногами в сторону кабинета отца.

– Мишка... – прошептала мне в спину мама, а я улыбалась. Знала, что она сейчас поправляет мои кеды, убирает в шкаф куртку, потому что в её идеальном мире нет места беспорядку и хаосу. – Михаил, мама пришла!

– Мама! – услышала сына еще до того, как распахнулась дверь кабинета. Мой малыш выскочил мне навстречу, отчаянно вытягивая руки для объятий.

– Мальчик мой, – обняла, прижала и успокоилась.

– Привет, дочь, – тихо рассмеялся папа, спуская очки в золотой оправе на самый кончик носа. Он убрал раскиданные на ковре детские книжки в стопку и поднялся. Папа сжал губы, улыбнулся и раскинул руки, повторяя мой жест. Я шагнула в его объятия вместе с сыном, окунаясь в знакомое до боли тепло и аромат классического парфюма с примесью табака и кофе.

– Папочка, – выдохнула ему в шею, укладывая голову на плечо. – Я пришла.

– Ты молодец, Ляля, – прошептал он, чтобы мать, что од-

нозначно караулила под дверью, не услышала.

Она приходила в ярость от всех производных, что коверкали русский язык. Терпеть не могла все уменьшительно-ласкательное, с чем и боролась, сколько я себя помню: не Стас, а Станислав, не Ляля, а Ольга. Поэтому её и скривило от моего «Мишка». Но было и исключение, она просто мле-ла, когда я называла её мамочка.

– Наталья, кофе нам организуй! – шаркнул отец, и звонкие стуки каблучков стали удаляться от дверей кабинета. – Девочка моя... Дай посмотреть на тебя? Да поставь ты этого кабана, тяжелый уже.

– Э! Дед! – взвизгнул Мишка и перепрыгнул на шею отца, отчаянно шаря своими пальчиками, чтобы рассмешить его. – Так нечестно!

– Михаил, – ляпнула и улыбнулась, поймав удивленный взгляд отца и сына. – Миш, отстань от деда. Давай, собирай свои игрушки, я сейчас поговорю и домой побежим, пока дождь не начался.

– А мне не страшно, мам. Бабушка Наталья подарила мне резиновые сапоги, – рассмеялся мальчишка, но с рук отца все же слез и понуро отправился убирать беспорядок.

– Бабушка Наталья, – папа сел на зелёную тахту в обрамлении из резного красного дерева и похлопал рядом. – Звучит, как матушка Матрона.

– Сама виновата, – забралась на диван с ногами, прижалась к отцу, украдкой пересчитывая новые морщины, что по-

явились с момента нашей последней встречи.

Она так отчаянно боролась со словом «бабушка», так сильно прививала внуку привычку не сокращать имена и уж тем более не использовать «собачьи клички», что теперь пожинает собственные плоды. Мишка наотрез отказался убирать слово бабушка, но великодушно добавил полное имя Наталья. Так моя мама и превратилась в Бабушку Наталью, на потеху всем, кроме неё самой.

– Рассказывай, дочь, – отец поправил очки, отпрянул, чтобы в ответном жесте рассмотреть меня получше. – Синяков под глазами нет, следов усталости – тоже. Как тебе сплав? Отдых на природе пошёл на пользу?

– Я и не думала, что мне это может понравиться, – совершенно искренне вздохнула я, вспоминая ту беспечность, природу и аромат дыма, что кружил голову и уносил все тревоги. – Это было прекрасно. В следующий раз Мишку возьму с собой. Ты уж прости, пап, за незапланированный визит внука.

– Дочь, – он сжал кончик моего носа, как делал это всегда, когда я говорила глупости. – Этот молодой человек помог мне, да, Михал Миронович?

– Помог? Мы сейчас о моём ли сыне говорим?

– Знаешь, в старости детский смех, лепет и пустая болтовня становятся спасением. И, если честно, то это я маму подговорил отдать Мишку, не сердись на бабушку.

– Эх, заговорщиков раньше на кол сажали, папочка!

– Мир поменялся, доченька, теперь им грозят только муки совести, и то – это не точно, – рассмеялся папа, прижимая к себе крепко-крепко.

Обожала этот кабинет. Я здесь всегда находила покой и тишину, потому как мама сюда и носа не совала. Отец даже прибираться её не пускал после случая с испорченной диссертацией. А меня пускал. И пока он задумчиво колотил пальцами по печатной машинке, я валялась на этом самом диване и читала книжки. Отцу было все равно, что именно я читаю, он не делил литературу на хорошую и плохую, в отличие от моей мамы...

– Наталья Михайловна, голубушка! – моя, еще пять минут назад любимая, учительница русского языка и литературы в умиленном жесте сложила ладони на груди, не прекращая заглядывать в мамины глаза. – Ну не получилось в этой четверти пятерки по литературе. Не старается Олюшка, в облаках витает...

– Когда же ей душу обогащать чтением классики, если до ночи детективами упивается?

Отчетливо слышала смешки за спиной. Одноклассники частенько становились невольными свидетелями моей публичной порки, что так любила устраивать мама. Она в этом видела что-то высокодуховное, укрепляющее дух и, естественно, поучающее. А мне не то что притрагиваться к перечню литературы, утвержденному ею лично, не хоте-

лось, мне сдохнуть хотелось. Прямо здесь, под посторонними насмехающимися взглядами. А что мне оставалось ещё делать? Я улыбалась, сдерживала слёзы, выкручивая себе до боли пальцы под партой и ждала, когда она уже уйдёт.

– Хорошая у тебя мама, Ольга. Заботливая, о твоей успеваемости справляется, – Лариса Анатольевна улыбалась, завистливо смотря вслед статной высокой женщине в норковом мантио, что выходила из кабинета, прихватив с собой моё чувство собственного достоинства. Знала, что на этом она не остановится, а обязательно обойдет всех учителей, после чего пойдёт чаёвничать с завучем.

– Какие планы? – отец встал, подошел к своему секретеру, повернул ключик в маленьком ящике и стал копать.

– Покрашу веранду, Мишку в школу соберу, а там видно будет.

– Бабушка сказала, ты на море собираешься? – отец достал конверт и дернул носом, поправляя очки.

– Пап...

– Не начинай, Ляля, – он вложил в мою руку тугой конверт и сжал пальцы. – Отец я или?..

– Отец, конечно, но это не значит, что...

– Разговор на эту тему портит нервную систему, – шутливо пропел папа и снова обнял меня, зарываясь носом в волосы. – Езжайте на море спокойно, милая. Тебе нужно отдохнуть, да и Мишка повеселится перед школой. Хорошее дело,

милая. Хорошее.

– Спасибо, пап.

– Бабушка Наталья, я вас слышу, – внезапно вскочил с пола сын и бросился к дверям.

Он, сам того не желая, сдал свою любопытную родственницу, явив в распахнутой двери вытянутое от удивления лицо. Мама сжимала в руках сабо, очевидно подкравшись тихо, чтобы не привлекать внимания.

– Пошли, Мишка, – я ещё раз поцеловала отца, взяла сына за руку и прошмыгнула мимо мамы. – Пока, мамочка.

– Куда же вы? А кофе?

– Нам пора.

– До встречи, Михаил, – мама потрепала по голове сына. Мне даже на миг показалось, что она дёрнулась, чтобы обнять его... Показалось.

Я зажмурилась, пробегая по коридору мимо дверей в свою комнату. Дверь стояла новая, глухая. Любопытство взорвалось коликami, рассыпавшимися по ладошкам. Но я задержала дыхание и выскочила в прихожую.

Чувство тревоги ушло, как только мы вышли из квартиры, таящей тревожные воспоминания прошлого. Сжала маленькую ладошку сына, и стало хорошо. Спокойно.

Глава 7.

– Ну, красота же! – подруга закрепила на моей голове ободок со светящимися рожками. – Ты будешь порочным сексуальным дьяволом, а я скромным чёртиком. Севка с ума сойдет от костюмированного шоу.

– А представляешь, умом тронется? И вместо свадьбы отправится в дурдом, – я рассмеялась, с удовольствием рассматривая наши отражения в зеркале.

Катерина решила, что это слишком просто заявиться на мальчишник нашего лучшего друга в скучных платьях и организовала мини-экшн для него, чтобы мальчишник запомнился ему навсегда. Поэтому в зеркальном отражении теперь кривлялись две полусумасшедшие в слишком откровенных нарядах. На мне был красный короткий топ, что я отчаянно пыталась натянуть так, чтобы прикрыть пупок, и кожаные брюки, слишком сильно обтягивающие задницу.

Я не то что отвыкла от всего этого, я просто не успела вкушать подросткового всплеска сексапильности, будучи глубоко беременной. Огромные худи, трикотажные платья стали моими друзьями, а потом и вовсе осели в моем гардеробе навсегда. Некогда мне было мальчишек совращать, о сыне думать нужно было. Оттого и корёжило меня сейчас, а внутренний голос просто трубил: «Прикройся!». Да я бы и рада была, но в учительском скромном платьице меня вряд ли пу-

стоят в клуб, да и друзей бросать не хочется.

– Убери свои руки от своего шикарного тела, Олька, пока я тебе по заднице не надавала, – зашипела подруга и всё же не удержалась, отвесив звонкий шлепок по моей пятой точке.

– Кать, ну почему я в красном? Пусть Наташка наденет этот костюм, а мне так хорошо будет её белый сарафан.

– Вот скажи, Сладкая, ты сильно удивишься, увидев Соколовскую с рогами чёрта?

– Нет, конечно! – приснула я смехом. – Она с ними родилась, Наташку не знаешь, что ли?

– Вот! Поэтому будем бить Севку в самое сердце. Тебе придётся сбросить свои ангельские крылышки и передать их на один вечер нашей любимой подружке, ну а сама побудешь чертовкой. Ну, ради меня, Олька. Я прошу тебя.

– А ты чем поразишь его, а? – прищурилась, рассматривая довольную моську Ростовой. – Ты иногда ещё та заноза.

– А я не смогла добыть костюм дракона. Машка, сука, весь кислород перекрыла!

– Кать, может, без меня? А? – застонала я, делая последнюю попытку отлынить от мальчишника. – Мне завтра тащиться через весь город, между прочим, к черту на кулички!

– Машину мою возьмешь, Царёв мне свою безопасную карету подогнал, категорически запретив передвигаться на моей ласточке. Пользуйся, сколько душе угодно, – Катя крепко схватила меня за запястье и потащила на первый этаж, где за

круглым столом сидели наши бабушки. У Алечки даже карты из рук выпали, когда она увидела меня в таком облиии, чем поспешила воспользоваться бабушка Катерины, изучив расклад вечной соперницы.

– Оля-я-я! – бабушка схватилась за сердце, потом подскочила и стала кружить вокруг меня хищным орлом. – Вот это я понимаю, училка начальных классов. Вот это я понимаю, настрой на приключения. Так, Катерина, даже не думай возвращать её домой, пока она не склеит какого-нибудь захудалого мужичонку. Можно сразу двух! Ясно?

– Есть, мой фюрэр, – Катька вытянулась по струнке, отсалютовала и, бросив в свою старушку воздушным поцелуем, потащила меня на улицу. – Вот ключи, документы под козырьком. Заберешь Наташку и встретимся у клуба.

– Зараза, а не подруга, чес-слово, – прошипела я, смотря вслед удаляющимся габаритам авто Ростовой.

Деваться было некуда, Соколовская мне не простит, если я сейчас позвоню и всё отменю. Она – не Катька, церемониться со мной не станет. Села в машину, сжала руль, не решаясь завести двигатель. Будто мешало что-то, отговаривало, маня соблазном вернуться к себе, смыть этот яркий макияж и лечь на веранде с книжкой Драйзера. Но, как ни странно, меня останавливала красивая блондинка, что с интересом наблюдала за мной в отражении зеркала заднего вида. В ее взгляде был упрек. Она с нескрываемой грустью смотрела на меня, обжигая разочарованием от моей трусо-

сти. Эта девочка, в отличие от меня, не стеснялась признать-ся самой себе, что жутко устала. Что всё, что ей сейчас хочется – отпустить гнетущую реальность и окунуться в другую жизнь, в которой нет счетов, обязанностей и мук догоняющего прошлого. Смотрела с мольбой о глотке свежего воздуха, о капле безрассудности. И я не устояла.

– Хорошо, Сладкая, – выдохнула, завела машину и помчалась навстречу приключениям. – Ради тебя...

Я больше не терзала себя бесполезными мыслями, не жалела и, уж тем более, не собиралась портить вечер девчонке с грустными серыми глазами. Успокоилась и отпустила ситуацию, позволив себе один вечер беспечности. Хватит думать. Просто танцуй!

А я так и сделала, вернее МЫ сделали. Ворвавшись в ночной клуб, где проходил мальчишник Севки, мы сразу бросились на танцпол. Такой бури эмоции, что накрыла меня с головой, я давно не испытывала. Казалось, что мозг отключился полностью, а телом управляют бушующие эмоции. Единственное, о чем я жалела – что поперлась сюда на машине. А так хотелось позволить себе чуть больше, чем привыкла...

Друзья Севки даже не удивились нашему появлению, потому что мы были неразлучны. И, тем более, в столь знаменательный день. Ну, не могли мы пропустить проводы Батюка во взрослую семейную жизнь. Эта весна принесла слишком много перемен: Катерина как-то внезапно объявила о свадьбе и сделала вид, что просто забыла познакомить нас

со своим женихом, Севкина девушка забеременела, поставив перед другом ультиматум, ну, а мою дорожку внезапно перебежал Королёв... Слава Богу, у Наташки все нормально.

Вспомнила его имя и снова дрожь охватила. Я до сих пор по ночам в мечтах рисую картинки, что могли случиться: пышная свадьба, белое платье, совместные завтраки по утрам, надпись на асфальте: «Спасибо за сына». Это гипотетическая реальность, альтернативная и совсем не воплотимая. Я уже никогда не стану той счастливой девчонкой, а Мирон больше не проводит меня до дома.

Восемь лет меняют людей до неузнаваемости. Мы сами не замечаем, как быстро обрастаем черствой коркой, как тухнет взгляд, как меняется речь... Но Королев и это перевернул! Да, очерствел, да, раздался в плечах, и да, возмужал. Но вот взгляд! Я снова закинула голову, всматриваясь под самый потолок, где сквозь мутность кальянного дыма моргал стробоскоп, так напоминающий мне взгляд Мирона. Он то взрывается искрами, то затухает, погружая меня во тьму.

Тряхнула головой, пытаясь выкинуть его образ из головы и снова начала двигаться в такт музыке. Вбирала эмоции, вслушивалась в голоса, смех, впитывала счастье. Как мне не хватает этого... Несмотря на шум и вечно толкающуюся толпу, я расслабилась. Даже допустила мысль, что сегодняшний вечер принесёт в мою душу спокойствие, пусть и на пару часов. Но как же сильно я ошибалась...

– Не передумаешь? – Наташа, что отплясывала рядом со

мною, внезапно напряглась, а потом и вовсе остановилась, сконцентрировавшись на Севке. Внезапно оттолкнула меня, пробираясь к уже пьяненькому другу, который танцевал вокруг Катерины свой отвязный танец престарелого орангутанга. – Батюк! Ты меня слышишь?

– Соколовская, отстань, а? У меня маль-чиш-ник! – он сверкнул недобрый взглядом и снова вернулся к танцу. – Ты почему такая приставучая? В школе мне проходу не давала, вечно со своими нравоучениями лезла. Знаешь ли, мне и одной Ростовой иногда много, – Сева махнул большим пальцем руки по горлу, замер, внимательно осматривая застывшую ледяной глыбой посреди беснующейся толпы Соколовскую, и отмахнулся. – В печёнках сидишь!

– А я, что, тебе не подруга? Только Ростову слушать готов? – внезапно заверещала Наташа, хватая Севу за руку. – Катька, хоть ты скажи ему, чтобы передумал, пока не поздно!

– Наташ, ты о чём? – Катя бросила на меня удивленный взгляд и попыталась обнять Соколовскую, но та ошетинулась дикой кошкой и резко отбросила её руки.

– Вы все глупые и слепые! Катерина, если он для тебя важен, то ты поговоришь с ним! – Соколовская пыталась перерорать музыку. – Скажи ему, что нельзя ему на ней жениться!

Мы перестали двигаться, а время замерло. Звуки, крики стали стихать, будто воды в уши налили. Все смотрели на Наташку, что глаз не сводила с покрасневшего Севы. И никто не решался разрушить напряженное молчание.

– Это ещё почему? – Сева сделал шаг навстречу Соколовской, сложил руки на груди и чуть наклонился, чтобы в глаза её заглянуть.

– А потому что не любит она тебя, – зашептала Наташка, а этот звук был громче крика. Я зажала руками рот, встала позади Ростовой, что покачивалась от шока, будто в обморок собиралась рухнуть. Мы схватились за руки, пытаюсь справиться с состоянием, что оглушило нас. Смотрели на замершую парочку, испепеляющую друг друга обжигающими взглядами. Они стояли молча, даже не думая сдаваться в немом поединке. Это было какое-то понятное только им сражение, проиграть которое не могли ни он, ни она. Сева лишь руками отталкивал напирющую толпу, что подталкивала их друг к другу всё ближе и ближе.

– Ты пожалеешь, Батюк! – снова зашептала подруга, а из глаз её хлынули слёзы. Капли огромными ртутными шариками сбегали по щекам, падали на белый сарафан, оставляя черные разводы от туши. – Только поздно будет. Приползёшь, умолять будешь, вот только я выстрою каменную стену между нами и даже слушать не стану... – сказала она и рванула, теряясь в толпе.

– Сука! – взревел Батюк, закидывая голову. Его огромные ладони накрыли лицо, словно спрятаться хотел.

– Сева? – Катя схватила друга за руку, пытаюсь поймать его растерянный встревоженный взгляд. – Поговори со мной? Сева, поговори?

– О чем? – Сева бросился к нашему отдельному залу, где веселились парни. Выхватил из рук друга сигарету, затянулся и шумно выдохнул облако дыма под потолок. Мы застыли, наблюдая за другом, который сам не курит и курящих презирает. А сейчас он так органично сжимал фильтр большим и указательным пальцем, шурился от едкого дыма, что попал в глаза, и рассматривал нас по очереди. – О чем, Катя?

– О том, чего я не знаю...

– А чего ты удивляешься? 1:1. Ты мне тоже про своего жениха-миллионера не рассказала. Откуда он взялся? А? О чем рассказать?

– Сева, – Катя сделала шаг назад, упираясь спиной мне в грудь. Я обняла её, давая ощутить поддержку.

– О чем? – Сева нагнулся к ней, прищурился, а потом стал медленно переводить взгляд в мою сторону. – Или о том, что Сладкова все три дня сплава рыдала в душе? А может, Катке рассказать, что я видел?? Ты же по-любому ей ничего не рассказала!

– Замолчи...

– Ты думаешь, я совсем debil и не узнал его? – рассмеялся Батюк, схватил меня за руку и выдернул к себе. – Это он? Отвечай, Оля! Это он?

– Отвали, Сева!

– Я ему все хлебало размажу...

– Замолчи!!!! – взвыла я и бросилась вон, пытаюсь заглушить его крик отчаянья, летящий прямо в спину.

– Как же так получилось, что мы ничего друг о друге не знаем? – Сева не унимался, пытаясь догнать меня. Рука его то и дело соскальзывала с плеча, в попытке поймать, но я и не думала сдаваться. Бежала со всех ног, расталкивая толпу, пока не выскочила на улицу, но и тут меня ждал сюрприз! Я со всей силы врезалась в чью-то твердую, как камень грудь. Свежий, по-весеннему обманчивый ветер закружил мои волосы в своем танце, окуная в море табака, ванили и аромат сладкой газировки...

Глава 8.

– О! И ты тут, – захрипел Батюк, сходу бросаясь на Королёва.

Мирон схватил меня за руку и завёл за спину, даже не думая разжимать запястье, а правой рукой вовремя перехватил пьяного Батюка за грудки.

– Вот это жаркий приём, – рассмеялся Королёв, осматривая меня с головы до ног, будто следы потасовки выискивал. Но, не обнаружив ничего серьёзного, резко обернулся к буяну. Когда Королёва накрывал гнев, становилось страшно даже самым последним дворовым отморозкам. Лицо его менялось до неузнаваемости! Вокруг глаз образовывалась паутинка морщинок, а в устрашающем прищуре сверкали молнии. Энергия, такая бурлящая, закипающая и тяжелая, угнетала, воздух забирала, запуская паническую атаку, что сжимала лёгкие. Его жертвам не хотелось даже сопротивляться, а желание сжаться до размера атома подавляло любое желание надрать этому придурку задницу. Видела это много раз... Королёв редко ввязывался в драку, предпочитая убивать противника одним лишь взглядом, оттого и морда его красивущая всегда была идеальна, без украшений из синяков и рассечений... Стало жалко моего друга, что сейчас отчаянно пытался выдержать всю силу гнева Королёва. – Какого хрена тебе от неё надо?

– Это тебе какого хрена надо? – Сева вдруг вспыхнул и, не думая, врезал Королеву. Я с ужасом наблюдала, как кулак друга летит прямо в челюсть Мирона, но у того даже шансов увернуться не было, потому как дернись он в сторону хоть на миллиметр, и удар пришелся бы прямо по мне. Смотрела, как раздулись ноздри Мирона, приготовившись встретить своё неминуемое наказание.

– Сева! Ты что творишь? – заверещала Катька и запрыгнула на спину друга. Она ревела и умоляла успокоиться взбеленившегося Батюка, поглаживала его по взъерошенным волосам, хватала его за шею.

– Бля***! – Мирон дёрнулся, закрыл глаза, и губы его растянулись в самой возбуждающей ухмылке, он захрипел, а потом и вовсе рассмеялся. – Тысячу лет по мордасам не получал.

– Могу повторить! – орал Сева, отчаянно пытаюсь снять с себя балласт, но Катерина сквозь истерику пыталась унять друга, не сводя взгляда со звереющего на глазах Королёва.

– Мирон! Всё хорошо, я уведу его сейчас! Не трогай его, только не трогай...

Королёв быстрого сдёрнул Катерину со спины Батюка, пока тот не скинул её на землю и оттолкнул нас подальше. Растер покрасневшую скулу, оскалился и в один миг скрутил Севу, предостерегающе выставив одну руку, останавливая наш с Катей порыв броситься к ним. Его взгляд стал темным... А я знакома была уже с этим тяжелым, опьяненным

гневом взглядом... Бесполезно было его останавливать, Королёв не успокоится...

– Тебе чё надо от девчонки? – хриплый голос Мирона не испугал меня, а заставил выдохнуть, выпуская жгучий страх, что сковал меня полностью. А через мгновение его рука перехватила моё запястье и выдернула из-под натиска Зиновия Александровича, что наваливался на меня всем своим весом, припечатывая к холодной стене. Мелкая стеклянная крошка, которой была покрыта поверхность стены школы, больно врезалась в кожу, но, как только Мирон выдернул меня, стало легче. Мой спаситель оттолкнул меня в сторону и бросился на обидчика, нанося ему точные удары вновь и вновь, пока тот не рухнул на землю. Но и этого Мирону было мало. Он оседлал его, вжимая в грязную лужу, что вечно скапливались на заднем дворе школы и продолжал бить. Королёв хрипел от душащего его гнева, а правая рука двигалась так быстро, что страшно стало.

– Мироша! – кричала я, падая навзничь, чтобы заглянуть в его глаза. Васильковое поле превратилось в бездонную тьму, зрачки расширились, а из рта вырывался нечеловеческий рык. Лишь увидев меня слишком близко, он замер, боясь задеть. – Он сейчас встанет и побежит отсюда, а мы с тобой пойдём гулять...

– Слышишь, ей семнадцать! – Мирон нагнулся к моему учителю физкультуры практически нос к носу. – Ты зав-

тра же пойдёшь и напишешь заявление на увольнение, а ещё покаешься, что привиделось тебе все. А когда упал с лестницы, так сразу голова прояснилась, и ты вспомнил, что Сладкова и на пушечный выстрел не приближалась к тебе! Ясно? Ясно? Ясно? Ясно? – монотонно повторял Королёв, пока практикант, чье лицо было залито кровью, не закивал в знак согласия. – Еще раз тебя увижу рядом с ней, яйца вырву! И поверь, это не речевой оборот...

Королев наконец-то отпустил его и смотрел вслед убегающему парню до тех пор, пока тот не скрылся в роще. Вдохнул, а потом резко обернулся ко мне, опустил руку на плечо, резко схватил за шею сзади и рывком прижал к своему лбу со стуком. Пальцы его впились в кожу, делали больно, но я терпела, готовая принять всё, что он приготовил для меня...

– Какого х... хрена ты не сказала мне, что этот придурок достает тебя?

Я молчала, не в силах произнести ни слова. А как можно было рассказать? Как мне было рассказать, что практикант по физкультуре зажал меня меж книжными стеллажами школьной библиотеки? А когда я рассказала об этом завучу, то этот придурок свалил все на меня! Сказал, что я прохода ему не давала! Сама провоцировала!

– Сладкая, я последний раз спрашиваю.

– Мне было стыдно...

– Мы могли решить это уже давно, а теперь тебя исклю-

чают из школы! – зашипел Мирон. Его губы едва касались моих, дыхание обжигало кожу, а скулы вибрировали от гнева.

– Он... он сказал, что, если я...

– Замолчи, иначе я догоню его и убью! Он тебя трогал...

Я даже себе этого не позволяю.

– Мироша...

– Иди домой, я все решу...

– Если ты еще раз её обидишь, я тебе голову откручу! – орал Батюк, не обращая внимания на то что полностью обездвижен, и если кому-то сейчас открутят голову, то это будет явно не Королёв. Он дергался, делал себе больно, а Мирон внезапно успокоился. Рассматривал красное лицо Севы, медленно наклоняя голову из стороны в сторону, а потом достал одной рукой пачку сигарет, ударил по дну, поймал губами одну, шелкнул зажигалкой и закурил с таким удовольствием, что захотелось подойти и забрать!

– Отпусти! – сделала шаг... ещё... ещё... подошла со спины и положила ладони на его руку, которой он сжимал запястья Батюка. – Отпусти, Мироша.

– Проси, Сладкая, – усмехнулся Мирон, сделал затяжку и вложил сигарету мне в губы, словно мысли мои прочитал. Я закрыла глаза, втянула отравляющий дым с ароматом горького шоколада, протолкнула в легкие, задержала и с силой выдохнула в него.

– Я прошу тебя, отпусти Севу.

– Ты драться будешь ещё? – Мирон дернул рукой, нарочно причиняя боль Батюку и медленно, будто нехотя отвёл от меня взгляд.

– Я убью тебя, если обидишь её! – вновь заорал Сева, а Катерина зарыдала в голос, кусая от ужаса кулак.

– Пароль верный, – Мирон ослабил хватку, Сева быстро распрямился, но тут же рухнул спиной на дверь заднего выхода от резкого толчка Королёва. – Но и ты помни, друг мой, что я только на первый раз прощаю то, как ты говорил с Лялькой. С ней никому нельзя так говорить. Ясно?

Королёв опустил локоть, которым прижимал Батюка к стене, и отошел, а затем и вовсе руку ему протянул.

– Мир?

– Отвали! – Батюк задумался, но потом всё же ответил на рукопожатие.

– Вот и славненько. Катерина, сама отвезёшь друга? Или помочь?

– Я сама, Мирон... Сама... – Катя утягивала друга на парковку, тревожно оборачиваясь на меня.

– Отлично, с меня мороженое, Царёва.

Я развернулась на каблуках, намереваясь бежать отсюда, куда глаза глядят! Честное слово! Собиралась! Или почудилось мне это, потому что я даже шага не успела ступить, как оказалась прижатой к двери.

– Что ему было нужно от тебя? – Королев прижался ще-

кой, с усилием царапая кожу своей колючей щетиной.

— Королёв, откуда ты, мать твою, взялся? Ты ж, как снег в мае, на голову мою свалился, — шептала, потому что сил произносить звуки не было. — Только вопрос не в том, что ему нужно, а в том, какого хрена нужно тебе?

Королёв прожигал меня своим взглядом, двигался медленно: проскользнул по шее, скулам и остановился на губах.

— Выросла моя девочка, — улыбнулся...

Королёв всегда улыбался по-разному. Палитра его улыбок была бесконечна, начиная от презрительной ухмылки, заканчивая безмятежной, при которой появлялись милые ямочки. Вот и сейчас, готова была поклясться, что под щетиной я увидела родные впадинки, которые так любила целовать.

— Пиз*ец, какая красивая стала, — взял пальцами за подбородок, зафиксировал голову, чтобы в глаза смотрела. — Такая вся плавная, женственная, чувственная. Только в походке порочное блядство появилось. Не наигранное, нет. Природное. Потому что жопа стала аппетитная, круглая, без детской угловатости.

Рука его заскользила по спине, замедлилась на открытом участке кожи и упала на задницу, он словно ощутить хотел то, о чём говорит. Волновало его это... Дышал глубоко, тяжело и хрипло. Грудь его вибрировала, на вдохе прижимая меня к двери, а на выдохе неся холод и опустошение.

Не знаю, что со мной произошло, но я сама дёрнулась, припечатываясь к нему поцелуем. То ли заткнула его таким

образом, то ли отблагодарила... Дура! Это хорошо, что трезвая я...

– О! Кого я вижу! Мирон?

Мы даже не заметили, как недалеко от нас остановился чёрный «Майбах», окно заднего сидения медленно приоткрылось, выпуская густое облако дыма, в котором прятался мужчина.

– Гера? – рассмеялся Королёв, отпрянул, но руку с задницы не убрал, продолжая то сжимать до боли, то ласково поглаживать. – Какого хрена? Проехать мимо не мог?

– Это у тебя какого хрена телефон выключен? Нужен ты мне, – дверь распахнулась, и из машины медленно, лениво и наигранно вальяжно показался высокий мужчина. Он галантно кивнул мне в знак приветствия, любопытно осмотрел задницу, на которой покоилась рука Королёва, но столкнувшись с его напряженным взглядом, вскинул руки в пасующем жесте. – Спокойствие, только спокойствие, Королёк. Всё понял, принял и впитал. Твоё. Мне поговорить надо с тобой срочно.

– Вот и хорошо. А мне пора, Королёв! – я оттолкнула Королёва и бросилась на парковку, сопровождаемая его громким хриплым смехом. Этот волшебный звук врезался в сердце, оставлял след в нежной душе, а о предательской реакции собственного тела можно было молчать. Молилась, искала в себе силы, чтобы не упасть, не ощущая силы в ногах, щелкала брелком сигнализации, чтобы быстрее найти Кати-

ну машину. Та словно ощутила мою усиливающуюся панику и сверкнула габаритами. Так быстро на каблуках я ещё никогда не бегала! Впрыгнула в салон и, забыв пристегнуться, вырулила с парковки, мечтая поскорее оказаться дома.

Мчалась по ночному городу, стараясь ехать окольными путями. Боялась, что догонит, а ещё одного раунда этой пытки я просто не вынесу. Врубила музыку, открыла окна, чтобы просто не думать. Ветер с бешеной скоростью влетал в салон, подхватывал мои волосы и хлестал прядями по щекам, словно пытался в чувство привести. Но мне было мало... Хотелось окунуться с головой в реку, лишиться возможности дышать с ним одним воздухом, что расплавлял мои высохшие чувства. Они ртутными шариками перекатывались в душе, оставляя ожоги надежды...

Посторонний звук я услышала не сразу. Вырубила магнитолу и задрожала... Мощный рык мотора преследовал меня, становился то громче, то стихал. Будто кто-то педалью газа баловался. Всматривалась в зеркало заднего вида, но меня преследовала лишь темнота. Никого... Но откуда звук? Я даже специально проехала поворот к своему посёлку, свернув на просёлочную дорогу, чтобы въехать со стороны реки и тут же заорала, потому что в плотной сосновой посадке рык стал только громче! Но я даже понять ничего не успела, как внезапно вспыхнувшие фары позади моей машины осветили контур чёрной тонированной тачки, что ехала практически бампер к бамперу...

– Бля**! Бля**!! – орала, лупила по рулю, кляня собственную беспечность. Он всё это время ехал за мной с включенными фарами, а я даже не заметила, наивно радуясь тому, что выиграла. Но нет! Королёв никогда не проигрывает просто так, он до последней капли крови будет сражаться, пока не рухнет без сил...

Двигатель его тачки взревел, и он вильнул левее, обгоняя меня прямо по перепаханному полю, сравнялся... Тонировка окна скрывала своего преследователя, а мне стало страшно. А вдруг это не он? Но додумать я не успела, потому что он стал опасно сближаться, заставляя меня съезжать с дороги. Вёл меня, не давая возможности на спасение. Если я тормозила, останавливался и он, а слух разрывал громкий гудок, подгоняющий и так бурлящую кровь. Обернулась, пытаюсь понять, куда он меня ведёт... К реке... Сука! Рванула с места, отчаянно пытаюсь найти возможность выбраться из ловушки, куда попала по своей глупости. Но как только в редяющих деревьях стала сверкать гладкая поверхность реки, он рванул и резко перекрыл мне дорогу.

Тишину взорвал хлопок двери, и через мгновение в свете фар показался Королёв... Он улыбался и срывал с себя футболку, шагая в мою сторону...

Глава 9.

– Не смогла убежать? Или не хотела? – Мирон рванул заднюю дверь, и его бурлящая энергия заполнила весь салон, воздух мгновенно оказался отравленным, я даже задыхаться начала. Сжимала руками руль, прекрасно понимая, что будет дальше. Он ловко отщёлкнул подголовник и нервно вышвырнул его в открытое окно. Опустил свои большие сильные ладони на мою шею. Голова потеряла опору и упала, сливаясь с ним в жарком поцелуе. И это было начало конца. Знала, что не устою, знала, что не даст убежать и спрятаться. Попалась... Губы его завладели мной, а твёрдый язык заскользил по нёбу, вызывая табун мурашек. Всё помнил, не забыл...

По телу пробежал разряд тока, руки затряслись, в попытке удержаться на руле, но поздно было. Пальцы разжались, признавая собственное поражение, руки взметнулись в воздух и опустились точно на его шею, отчаянно шаря по коже в поисках бугристого шрама от ожога. Подушечки огнем вспыхнули, а из груди вырвался протяжный стон, что был похоронен в нашем диком поцелуе. Шарила пальцами, зарывалась в волосы, сжимала их и оттягивала, намеренно делала больно, успокаивая себя хоть этим...

Мирон ослабил хватку на шее и двинулся к плечам, подцепил тонкие лямки топа и рванул. Кожу обожгло от острой

боли, но теплые ладони, накрывшие грудь, мгновенно стёрли неприятное воспоминание. Пальцы закружили по напряженным соскам в быстром танце, сжали маленькие капельки вершинок, вбирая мой стон до последней капли.

– Нет, не силиконовая... – выдохнул он, разрывая поцелуй, а потом прошёлся языком от подбородка до лба. – Откуда такие сиськи, Ляля?.. Мягкие, пышные, а сосочки такие нежные, чувствительные. Я ж помню их, как сейчас. Крошечные, в ладошку уместались, щекоча твёрдостью сосков.

– Ты гнал за мной через весь город, чтобы поговорить? – захрипела я и с силой впилась ногтями в его шею. Лишь бы не спрашивал! Пусть забудет про вопросы и лишние разговоры. Раз уж я проиграла, то молча. Пусть отлюбит меня, как Алечка завещала, и проваливает к другой тёлке. Может, тогда оставит меня в покое? Пусть делает больно. Пусть отомстит, но затем исчезнет!

– А вдруг я в романтики подался? – заскользил языком от мочки уха по шее и поцеловал плечо именно в том месте, где была россыпь родинок, что он называл «созвездием адского соблазна». Руки его двигались по памяти, ревизию будто проводил.

– Чё-ё-ё-ерт, – выдохнула я, наслаждаясь легким бегом пальцев по животу.

– Сюда, быстро! – рывкнул он, подхватил меня под руки и, как пушинку, перетянул к себе на колени. Перекинул волосы через плечо и стал покрывать шею поцелуями, двигаясь к

правому плечу, а потом ловко вывернул руку. Конечно! Что ещё его могло волновать?

– Не свела, – прохрипела я, переводя взгляд на свою татуировку, что была надёжно спрятана от посторонних глаз. Мелкие звёзды рассыпались на корону, подёрнутую паутиной. Это была мини-копия его татуировки на руке. Помню, как радовалась, набив часть моего Королька на себе. Легче стало, будто теперь всегда со мной был мой мальчик.

– Ну, и правильно, – его пальцы прошли по рисунку, задерживаясь на местах, где требовалась коррекция. – Не доделала. Металась: либо свести, либо добить? Да?

– Да...

Дальнейшее было похоже на атомный взрыв, что своим радиационным фоном выбил все сомнения, заткнул крик здравого смысла и желание сопротивляться. Нет... Руки путались, хватаясь за края одежды, что разделяла нас сейчас. Кожу жгло от резких, грубых касаний, губы горели от поцелуев и жалящих укусов. Невозможно было сдерживать свои эмоции, они рвались наружу в хаотичном движении тел, влажных поцелуях и протяжных столах.

– Выброси эти штаны... – прохрипел Королёв, наконец-то разобравшись с тугими кожаными брюками, а на бельё и вовсе плюнул, просто разодрал простую хлопковую ткань, мгновенно опустив руку между ног, где уже все пылало.

Я так и сидела спиной к нему, тихо радуясь этому факту, потому что видеть его взгляд было чем-то запредельным.

Разрушающим. Мирон стал шарить по карманам, потом приподнялся и легко стянул спортивные трикотажные штаны, а в ноги упала фольга презерватива. Рыкнул и снова вернул руку к пылающим от возбуждения складочкам, раздвинул их пальцами и вошёл одним резким возбуждающе-болезненным толчком.

– Королёв!!! – вскрикнула я, впитывая забытые напрочь ощущения наполненности.

– Повторяй...

– Продолжай, – заёрзала я, пытаюсь запустить разрушающую реакцию, но он не двигался, а наоборот, сжал мои бедра, прижимая к себе слишком сильно. Ощущала, как его член проникает слишком глубоко, подёргивается внутри, но этого было мало...

– Повторяй! – прохрипел он мне на ухо. – Иначе клянусь, что два часа буду изводить тебя. Не дам того, чего хочет моя Сладкая...

– Королёв! – закричала так, что перепонки мои задрожали и руки его разжались, позволяя привстать, чтобы вновь и вновь опуститься на него. Жёстко и так сумасшедше приятно! Слышала его хриплый смех, ощутила левую руку под задницей, что легко выталкивала меня вверх, а правую на лобке, с силой опускающую обратно.

Тела, души, дыхание – все сплеталось воедино, стирая условности времени, память прошлого и боль. Он касается, а мне рыдать хочется. Дыхание перехватывает от его быстрых

поцелуев, прерывающихся укусами.

– Сладковаа-а-а, – хрипел Королёв, все усиливая толчки, разрывая перепонки порочными шлепками кожи.

– Ми-ро-ша... – сквозь слёзы повторяла я, ощущая, как внутри всё стягивается в тугой узел каната. Все внутренности сплетались, увлекая меня в пучину удовольствия. Внизу живота мышцы запульсировали, растягиваемые его чёткими толчками, что подводили меня к краю пропасти. Тело покрылось испариной, а окна машины затянулись туманной пеленой от жара нашего дыхания.

– Повтори!

– Королёв, гад такой! – взревела я, принимая взрыв, что настиг меня внезапно. Тело стало содрогаться в сильных конвульсиях, а горло сжалось от крепкой хватки его пальцев. – Ненавижу!!!

– Вижу, как ненавидишь... – Мирон подхватил меня за бедра, сжал с силой и начал насаживать на себя с такой скоростью, что волосы стали метаться в воздухе, прилипали к лицу, хлестали его по щекам, путаясь в резких выдохах и хриплых столах. – Ненавижу, Сладкова!

Мирон сжимал бёдра, двигал пальцами, словно нарочно раскидывал неминуемые синяки от силы его хвата, хрипел, выдыхал прямо в шею, роняя быстрый поцелуй, что сменился лёгким укусом. Заставлял извиваться от ассорти максимально разных ощущений... Я не могла сосредоточиться на своих чувствах, потому что они постоянно сменялись, как

вышедшая из-под контроля карусель. Меня кружило бесконтрольно, то швыряло вниз, то подкидывало в воздух, опьяняя ощущением свободного падения.

Он то ли вылюбить меня пытался за все эти годы, то ли наказать до сумасшествия, а ведь я была близка... Королёв громко зарычал, схватил меня за грудь и с силой опустил на себя, дав ощутить, как он изливается в меня... Откинулась на него, наслаждаясь быстрым сердцебиением и резким движением его груди. Внутри всё горело, удовольствие туманом опускалось, скрывая все мысли. Были здесь только мы. Потные, голодные и ненавидящие...

– Спасибо, – сказала я, ощущая, как он напрягся, а потом резко схватил за волосы и, накрутив на кулак убрал от лица, чтобы видеть глаза.

– Это ещё не всё. Тебе не удастся сбежать, Сладкая. Извиваться будешь, пока все резинки не кончатся, – Королёв дёрнулся, закинул ноги на панель двери, пытаясь вытянуться на диване. Неудобно было, рост не позволял расслабиться, но улыбался. Подхватил мои ноги, уложил поверх себя, обнял правой рукой и открыл окно, чтобы выпустить трещащее напряжение в воздух. Я откинула голову ему на плечо, поднимая глаза к клочку темного неба, любопытно заглядывающего в пылающий страстью салон автомобиля. Он достал из кармана штанов сигареты и закурил.

– Хорошо, – внезапно кивнула я, забирая сигарету. – Только потом ты исчезнешь, потому что уже слишком позд-

но. Я не буду копаться в прошлом. Слишком поздно, нет уже ни того Королька, ни Сладковой. Все истлело, исчезло. Не вороши прошлое. Договорились, Мироша?

В салоне воцарилось тяжелое долгое молчание. Сердце Королёва с силой билось о грудь, отдаваясь бешеной вибрацией мне в спину. Чувствовала каждый удар. Слышала вздох разочарования. Наслаждалась мягким скольжением его ладони по животу. Вбирала ласку, чтобы запомнить... Тёмное ночное небо светилось необычно яркой россыпью звёзд. Они моргали, манили и дарили никому ненужную надежду на светлое будущее...

– Сладкая, не трусь, я рядом! – Королёв стоял под окнами моей спальни, раскачиваясь в свойственной ему манере с пятки на носок. – Я поймаю тебя, не бойся!

А я не упасть боялась, а того, что мама проснётся. Сжимала в руках ветровку и напряженно смотрела в щель под дверь. Казалось, что в любую минуту может вспыхнуть в коридоре свет, и я окажусь застуканной прямо на месте преступления. Но ещё меня пугало то, что упущу возможность побыть с Мироном. Сжала зубы и выскользнула из окна, ухватилась за пожарную лестницу и смело стала спускаться, стараясь не стучать по металлическим трубам. Как только я зависла на последней перекладине, почувствовала его крепкие руки. Голова Королёва проскользнула между моих ног, руки схватили за талию, и мне ничего не

оставалось делать, как разжать пальцы. Опустила ладони на коротко стриженные волосы, соприкасаясь с кожей, пробежалась подушечками по щекам, спустилась к шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.